

Владимир Лосев
Вой оборотня

Владимир Лосев

Вой оборотня

«Автор»

2008

Лосев В.

Вой оборотня / В. Лосев — «Автор», 2008

ISBN 978-5-9922-0185-7

Никогда не помогайте незнакомцам, особенно когда в темном переулке на них напала шайка грабителей. Подобное чревато не только тем, что вам могут перерезать глотку – это вы еще легко отделаетесь! – а то ведь можно оказаться во власти жрецов, обслуживающих могущественных оборотней, и стать игрушкой в их тайных мировых интригах. Спаситься же тогда удастся только бегством в другое измерение, где вас никто не ждет и где все думают только об одном – как бы побыстрее вас сожрать.

ISBN 978-5-9922-0185-7

© Лосев В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владимир Лосев

Вой оборотня

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Никогда не вступай на чужой путь, тогда не попадешь туда,
куда не хочешь попасть.*

Из книги бога-странника

Эта история началась с того, что я влез не в свое дело.

Никогда до этого такого со мной не происходило, и подобных мыслей раньше не возникало, потому что глупость это, да еще какая!

Но в тот проклятый вечер я не последовал когда-то данному мне доброму совету, и беда не заставила себя ждать.

Если бы я не возвращался из трактира, где пропил пару медяков, которые сам же и заработал днем, сопровождая одного богача в его прогулке по городу, то обязательно обошел бы стороной проулок, из которого доносился шум драки.

Наверно, из-за выпитого вина я был тогда веселым и беспечным, потеряв свою обычную осторожность, а может, просто внезапно поглупел.

Я не верил в то, что один идиотский поступок может изменить человеку всю жизнь, да так, что возврата не будет.

Не верил и не догадывался...

В тот вечер складывалось все удачно: проводил богача до городских ворот (где его уже ждала личная охрана на лошадях, удобная повозка, запряженная тройкой, и пара развеселых пригожих девиц), получил причитающиеся мне деньги, помахал приветливо знакомым стражникам у ворот и пошел по темнеющим улицам города.

Солнце только что скрылось за Орлиной горой, легкий теплый ветерок ворошил мои светлые волосы, и жизнь казалась легкой и приятной. В трактире на соседней улице меня ждала милая девица, которая ясно намекнула, что не прочь разделить со мной холодную девичью постельку в эту ночь. Серебряные монеты звенели в кармане, и заработаны они были честно.

Новые клиенты ожидались только через пару дней, впереди маячило время приятного отдыха. А что еще нужно для счастья?

Работа у меня простая, ума великого не требует и большой силы тоже. Я сопровождаю по городу тех, у кого есть деньги, но кто при этом хочет вернуться домой живым и невредимым. Такое занятие мне нравится. Делать ничего не надо, гуляй себе по городу да перемигивайся с ворами, чтобы те не лезли в карман к моему клиенту. У нас с ними договор – я не лезу в их дела, а они не мешают мне жить. Поэтому проблем у меня не бывает, только иногда с мальчишками, но с ними мне всегда удается договориться.

Может быть, в этом мире и существует работа поинтереснее, но я, к сожалению, умею только драться, стрелять из лука и арбалета да метать в мишень ножи, топоры, дротики и копья. С такими умениями следует идти в стражники или в королевскую гвардию. Но мне не хотелось умирать, получив нож в спину от какого-нибудь оборванца во время облавы в притонах по приказу магистрата, или подыхать на каменистом полу со стрелой в груди, участвуя в очередной пограничной стычке меж двумя королевствами за кусок бесплодной, никому не нужной земли.

Да и внешность у меня невзрачная для гвардейца и стражника – великаном и силачом никто не назовет. С такими данными у нас карьеру не делают. У меня голубые глаза и светлые волосы, квадратный подбородок, на левой щеке багровый шрам от удара ножом, который я получил еще в детстве. Девушек эта неприятная метка от меня не отвращает, а мужчины, кто поумнее, сразу понимают, что перед ними человек, имеющий кое-какой опыт в драках, и лучше к нему не лезть.

Дураки обычно этого не понимают, и им приходится вдалбливать такую простую истину кулаком или чем-то более весомым – табуретом или дубиной.

Всем своим умениям воина я обязан отцу, который с детства нанимал мне разных учителей, чтобы те научили меня драться, а все потому, что какой-то провидец еще до моего рождения ему наплел, что когда-нибудь я стану великим человеком и от моего решения будет зависеть судьба этого мира. А подумав, добавил, что путь у меня к величию тернистый, и сначала придется сражаться за свою жизнь...

Интересно, сколько серебряных монет мой папаша отвалил этому пройдохе за столь нелепое и глупое предсказание? Этими двумя дурацкими фразами фальшивый пророк-мошенник изменил все мое будущее, и теперь мне приходится придумывать себе такую работу, в которой можно было бы использовать полученные от учителей навыки.

И вообще с самого детства меня все время чем-то пичкали из того, что никогда не пригодится в жизни: раз величие, то нужно и знание, иначе вдруг приму неправильное решение, и тогда прощай все человеческое племя.

Правда, смешно?

Учителей, желающих вбить в меня хотя бы крупницу ума, хватало, благо папаша не скупился на оплату. Он работал в магистрате советником по магии, поэтому у него имелись возможности приглашать в наш дом различных странных личностей.

Работа у него забавная, никому не понятная, и, насколько мне известно, нигде больше такой нет. Папаша ее, похоже, придумал себе сам, как и я свою.

Раз отец – советник по магии, то в нашем доме полно чародейских книг. Они лежат повсюду, в том числе и там, где им находиться нельзя, например в кладовке или оружейной, есть настолько редкие, увидев которые местные маги и знахари сразу начинают предлагать немалые деньги. Продал бы, да когда-то слово дал, что не сделаю этого, а мой папаша ни одной книги сам продавать не собирается. Никогда не пойму – зачем они ему?

Это когда-то он хотел, чтобы я, прочитав их, стал настоящим волшебником, добрым и мудрым. Но ему давно известно, что магом мне никогда не стать, так как не теплится во мне ни малейшей искорки дара.

Он, услышав общий вердикт всех своих знакомых магов и чародеев, очень расстроился. Долгое время места себе не находил, переживал, что не сможет передать мне свое служебное место, но потом вспомнил слова провидца и решил: раз мне придется бороться за свою жизнь, чтобы стать великим, то нужно обучить меня этому умению.

Поскольку папаша был человеком влиятельным, то меня учили сражаться разные люди, в том числе воры и убийцы с городского дна. Иногда со мною занимались стражи и заезжие воины, но с ними мне было скучно, и долго они не задерживались. Больше всего учили убийцы и наемники, они поскитались по свету, многое видели и знали, а поучительные истории, рассказанные когда-то ими, помню и сейчас.

Именно благодаря такому обучению к двадцати годам я стал охранять богатых чужестранцев, которые по тем или иным причинам оказались в нашем городе. Хоть они путешествовали со своей охраной, а все равно нанимали меня, так как им это советовали в магистрате, и понятно почему – мой отец там работал.

Услуги эти богачам не были лишними: я хорошо знал город, а также всех, кто мог грабить и убивать, поэтому, когда человек пользовался моими услугами, с ним никогда ничего

не происходило, и он уезжал с недоумением – репутация у нашего города была разбойничьей – и жалел деньги, потраченные на меня.

А зря... без меня прогулка по узким улицам не показалась бы такой простой и безобидной – воры у нас отменные, грабители безжалостные, а узких безлюдных переулков хватает.

Я никогда не лез в дела тех, кого охранял, – чужие секреты и тайны умирали в моей памяти раньше, чем я успевал добраться до ближайшего трактира, чтобы выпить кружку вина. Но я не вмешивался и когда видел, как кого-то грабят или обворовывают. Именно поэтому мне не мешали жить те, кто этим ремеслом промышлял себе на жизнь.

Но вот в тот вечер я сделал большую глупость...

Мог ли я пройти другим переулком?

Вполне. Но подумал: раз меня знают все ловкие парни города, то не будет никаких проблем, просто перемигнемся, и пойду дальше, однако я ошибся... Когда посмотрел, кого грабят и кто это делает, то сразу осознал – не стоило сюда заглядывать.

Грабили невысокого мужчину в неброской походной одежде незнакомые мне люди. «Плохо, этих не знаю, – подумал я, с ужасом начиная понимать, что ко мне приближается беда. – Следовало обойти...»

Хорошо хоть справился с грабителями быстро и без потерь – в живых не оставил никого. Поэтому сразу забыл об этом происшествии, решив: раз никто меня не видел, то никто об этом не узнает. И даже немного удивился, когда на следующее утро отец мрачно спросил, с кем я вчера дрался. Но на сердце стало тяжело, поэтому и промолчал, ожидая продолжения.

Папаша был мрачен и задумчив, на мой почтительный поклон только показал рукой на узкую лавку у стены. Я сел, и наступила тишина...

Он напряженно думал о чем-то, опустив глаза, иногда вздыхал, делал руками пассы, отводящие беду. Скоро мне это надоело, и я закрыл глаза, вспоминая прошлую ночь.

Дочка соседского мясника оказалась страстной и нежной, мы замечательно не спали всю ночь, обучая друг друга искусству любви, а когда, полуживой от усталости, ранним утром я спрыгнул со второго этажа в соседний двор, то пришлось удирать от собак, которых на меня там спустили.

Пробежка с перепрыгиванием через огромный забор выжала из моего брэнного уставшего тела последние силы, поэтому очень хотелось спать, а не вникать в какие-то сложные проблемы, которые меня совсем не касаются.

Не помню, с кем дрался!

Отец еще какое-то время сосредоточенно размышлял, наконец, что-то для себя решив, хмуро проговорил:

– И, несмотря на твои слова, хочу, чтобы ты встретился с одним человеком.

– Что за человек? – вяло полюбопытствовал я. – Если он нуждается в моих услугах, то позволь отказаться, уже настроился пару дней отдохнуть, устал что-то за последнее время. Да и не нужна мне эта работа, в кармане у меня лежит серебро от вчерашнего приезжего богача, на неделю его хватит...

– И все-таки тебе придется с ним поговорить, – хмуро покачал головой отец. – Даже если ты этого не хочешь...

– Это еще почему?! – спросил я, чувствуя, как приятное будущее тает безвозвратно, отцовские слова прогнали дремоту. Папаша явно имел в виду встречу с кем-то из людей, облеченных властью. – Неужели кто-то из гильдии наемных убийц нуждается в моих услугах? Других под опеку не возьму...

Я пошутил. Гильдию убийц приплел, потому что мне нравилась их работа, она всегда казалась мне простой и приятной: всего-то подошел к человеку в толпе, воткнул в спину

маленький изящный кинжал с оскаленным черепом в рукоятке – знак, что это работа гильдии, – и иди себе в ближайший трактир пропивать заработанное.

Денег за убийство тебе хватит на пару месяцев безбедной, веселой жизни, а когда у тебя звенит серебро в кармане, то и девушки улыбаются гораздо чаще. Но главное – ты свободен и уважаем, даже стражники тебе почтительно кивают, хоть и поглядывают искоса и с гримасами...

– Нет, это не гильдия убийц, а кто-то занимающийся чем-то противоположным...

Я задумался над словом «противоположным». Если гильдия убийц убивает, то наоборот получается – оживляет? Но мне до этого ни разу не пришлось слышать ни о чем подобном: если человек умирает естественным или каким другим путем, то уже больше никогда не возвращается в этот мир – так решили боги.

Рассказывали, правда, шепотом о некоторых знахарях, которые могли оживлять умерших, но в это мало кто верил. Если бы это было правдой, то сама работа гильдии убийц теряла смысл. Зачем кому-то платить за убийство, если убитого все равно оживят? Если бы такое произошло, то первыми убили бы этих лекарей, чтобы они не меняли сложившийся веками порядок вещей.

Насколько мне известно, единственное, что получается в этой области у колдунов, незадачливых лекарей и недоучившихся магов, – поднимать из могил упырей. Мертвецы ходят, иногда выполняют простые команды, но души в них нет, она ушла в верхний мир к высоким звездам, и по большому счету ей все равно, что здесь вытворяют с телом.

– О ком ты говоришь? – спросил я, окончательно запутавшись в своих рассуждениях. – Я не знаю никого в городе, кто бы мог оживить по-настоящему – не то что человека, даже собаку.

– Ты вчера совершил большую ошибку. – Отец вздохнул, увидев, как я вскинулся, и горько покачал головой. – Не стоило этого делать...

– Чего не стоило?

Я вспомнил вчерашнюю незадачливую жертву грабителей: невысокого, хмурого мужчину, одетого небогато, по-походному, куртка у него была плотная, кожаная, с капюшоном – такая хорошо от дождя и ветра защищает.

Когда я появился в этом темном проулке, над его почти бездыханным телом стоял здоровый верзила и обыскивал карманы. Знаю, как это делается: из тени протягивается рука и бьет прохожего дубинкой по голове, а когда тот приходит в себя, то оказывается, что денег у него нет.

Я бы прошел мимо – зачем мне чужие неприятности? – но не смог.

Чужая беда пусть чужой и останется – так меня учили, да только верзила, увидев меня, что-то недовольно промычал и угрожающе вскинул руку с дубиной.

Сразу скажу, такой жест мне не понравился, никто в этом городе мне не угрожает, даже стражники, помня о положении, которое занимает мой отец, обходят меня стороной. Спутать мое лицо с чужим они не могли, луна светила ярко, ее беззубый, испещренный шрамами и оспинами желто-бледный лик висел над городом, как предвестие всевозможных бед. Так что я хорошо разглядел громилу, а он должен был рассмотреть меня, да и шрам всегда заметен.

Лицо бандита оказалось мне незнакомо. Город у нас небольшой, может, я и не знаю всех в нем живущих, но лихие парни известны все, как и я им – с кем-то росли вместе, с кем-то дрались в трактирах и на улицах, пока выросли и набирались сил.

Так что когда тот замахал дубиной, я только укоризненно покачал головой, собираясь пройти дальше, но из тени за моей спиной появился еще один бандит, отрезая путь к отступлению, а впереди замаячила высокая фигура с чем-то острым и блестящим в руках – должно быть, с кинжалом.

Тут до меня дошло – грабителям хочется, чтобы то, что они здесь делали, осталось тайной, и они решили меня убить.

Это даже развеселило. Я усмехнулся, разведя руками и показывая, что на поясе ничего нет. На самом деле мое оружие было со мной, но этого чужаки не могли знать. Ножи были хороши, их делал один из лучших оружейников города, а меня привел к нему мой тогдашний учитель – бывший королевский гвардеец, позже наемник и грабитель. Этот человек понимал толк в оружии, оно не раз спасало ему жизнь, поэтому знал цену каждому куску заостренного металла.

Мастер работал от души. Его позабавил наш выбор, обычно ему заказывали мечи, боевые топоры, в крайнем случае – кинжалы, а тут всего лишь ножи, да еще небольшого размера, чтобы носить под рукавами рубашки. Но сделал он их на славу – настоящее оружие для уличной драки. В них имелось много достоинств, позволявших использовать в разных случаях. Они были замечательно сбалансированы, поэтому летали здорово и всегда попадали в цель, я развлекался одно время тем, что прищипливал к деревьям бабочек, которых у нас летом появлялось видимо-невидимо. Мастер сделал ножи из того же замечательного металла, из какого делали тогда самые дорогие мечи, так что их можно использовать против кинжала или топора. Конечно, для этого требовалась особая техника, в ней главное – не принимать на лезвие всю тяжесть удара чужого оружия, а отводить его легким касанием в сторону. Но главным достоинством этих ножей было то, что получились они острыми как бритва (кстати, обычно ими и бреюсь), даже двухслойную кольчугу пробивают, и незаметными, так как не оттягивают пояс, как меч или кинжал, я кажусь безоружным любому, кто меня не знает.

Вздыхнул и посмотрел по сторонам – не видит ли кто? Иногда такое бывает – нападают на тебя несколько отъявленных головорезов, а потом оказывается, это чья-то глупая шутка.

Вокруг меня была только бархатная ночь с шелестом листвы высоких деревьев, глубокими тенями и мягким ветерком, несущим запахи нечистот, остывающего камня и зелени.

А сверху на меня смотрел испещренный оспинами лик бледной луны. Она горела ярко, полнолуние не за горами, и в этом свете можно было различить каждое движение головорезов, желающих отправить меня в верхний мир.

Я вздохнул и потянулся к рукояткам ножей...

Первым убил того, кто топтался у меня за спиной, – незаметным движением бросил снизу нож, лезвие пробило бандиту горло, и он упал, недоуменно захрипев и так и не поняв, откуда пришла к нему смерть.

Тому, кто попробовал ударить меня дубинкой, я, уклонившись в сторону, вспорол живот. Он какое-то время задумчиво смотрел на свои вывалившиеся дурно пахнущие кишки – похоже, так и не понял, откуда в моих руках появилось оружие. Парень еще какое-то время стоял, покачиваясь, и только потом повалился на брусчатку. Не знаю, на что он рассчитывал, но толстый слой жира и крепкая одежда не спасли его.

Остался только один, и этот человек засверкал кинжалом в свете одноглазой луны. Не думаю, что его кто-то учил сражаться, похоже, верзила считал, что оружие убивает само и никакого умения для этого не требуется. Но это верно только в одном случае – если неожиданно напасть из густой тени летней ночи.

Он использовал кинжал как меч, а это особая техника, которой бедняга не владел, поэтому, пропустив мимо его мощный и неуклюжий удар, я просто воткнул ему нож в грудь. Пробил грудину, и лезвие застряло в кости, а громила, поняв, что его убивают, шархнул в сторону.

Нож вырвался из моих рук, хотя рукоятка была обмотана необработанной кожей, никогда не скользящей в руке. Я сразу почувствовал себя безоружным и беспомощным, настолько

привык, что мои ножи всегда со мной, поэтому испуганно завертел головой в поисках новых нападающих.

Хорошо, что больше никого не нашлось – глубокие тени оставались пусты и покойны, и только ветер бродил по узкому проулку.

Я еще раз огляделся, убедившись, что не слышу чьих-нибудь торопливых шагов, и с облегчением вздохнул. Луна по-прежнему висела над городом – единственный свидетель произошедшего. Стояла вязкая тишина, в которой слышался далекий лай собак, улица пустынна – все замечательно...

Я вздохнул и вернулся к своим неприятным делам.

Один бандит хрипел и сучил ногами в предсмертных судорогах, другой баюкал свои кишки, макая их в бегущий по улице ручеек нечистот.

Сначала я вытащил у первого нож из горла – этого ему хватило, чтобы сразу отправиться в верхний мир.

Я вытер окровавленное лезвие об его одежду – кстати, рубашка мне показалась дорогой, сотканной из тонкого полотна, это говорило о том, что незнакомец не совсем обычный грабитель.

Незадачливый бандит, который так неловко выбил у меня нож, корчился в тени дома, выбивая ногами ломаный ритм о брусчатку. Я подошел к нему спокойно, не ожидая никаких неприятностей, и снова ошибся – меня схватил за сапог верзила, который пытался удержать внутри свои кишки. Это было настолько неожиданно, что я споткнулся и едва не упал. Поначалу даже испугался, но потом понял, что это предсмертные конвульсии, с такими ранами долго не живут.

Пришлось освободить ногу от захвата, разгибая пальцы бандита по одному. Тот морщился от боли и что-то пытался сказать, но из его рта вырывалось только хриплое мычание. Тогда он отпустил свои потроха и поднял вверх окровавленную руку. Я на мгновение даже растерялся, не понимая, что происходит, а головорез вложил что-то в мою раскрытую ладонь и, откинувшись на спину, наконец-то умер.

Я вытер кровь о его одежду, рассмотрел при свете желтой луны то, что оказалось в моей руке – небольшая пластинка какого-то металла, на золото и серебро непохоже, выглядит, как бронза, причем старая, позеленевшая от времени.

Ничего ценного, даже непонятно, почему бандит столько сил потратил на то, чтобы мне ее отдать.

Недоуменно пожав плечами, я сунул пластинку в карман и подошел к последнему грабителю. Тот уже умер, так что нож я вытащил из его груди без особых проблем, вытер и засунул в ножны. Я мрачно рассмотрел поле боя – четыре тела застыли в разных позах. И вряд ли им теперь удастся добраться до верхнего мира – неудачников там не любят. Вот жили люди, и их нет, а сверху на это смотрит луна, не понимающая наши людские порядки.

Когда я уже собрался уходить, неожиданно застонал и зашевелился человек, которого грабили бандиты. Он приподнялся на руках и взглянул на меня – думаю, парень вряд ли понимал, кто перед ним, так как кровь из разбитой головы заливала ему глаза.

Ну хоть один ожил...

Мне на мгновение стало его жалко – лицо у мужика было каким-то беспомощным. Я подошел к нему, собираясь помочь встать, вдруг его рука вдруг взметнулась вверх, словно он хотела вцепиться мне в горло, но на середине движения замер – видимо, понял, что перед ним не враг.

Я рывком поставил его на ноги:

– Живи, человек, тебе сегодня повезло. Не забудь поблагодарить богов, без их помощи ты бы сейчас лежал мертвым и с вывороченными карманами.

– Да, карманы... – Человек пришел в себя, вытер кровь с глаз и, увидев мертвых грабителей, вывернулся из моих рук и бросился к ближайшему из них. Я пожал плечами и пошел своей дорогой, услышав слова, выкрикнутые мне в спину: – Кто бы ты ни был, Киль возблагодарит тебя.

– Передавай ему привет, – усмехнулся я, но так и не понял, о ком он говорит, и спешно направился в трактир, где меня ждала дочка мясника, сначала шагом, потом бегом – не стоит заставлять ждать ту, от которой надеешься получить немало удовольствия.

Бежал и ругал себя за то, что ввязался в эту историю, но еще больше разозлился, когда вошел в трактир, а там при свете яркой лампы увидел пыль и темные пятна свежей крови на своей одежде.

Хорошо, что девушка дождалась и не ушла, и ей оказалось все равно, как я сегодня выгляжу. В трактире мы с ней пробыли ровно столько, сколько потребовалось, чтобы выпить по кружке вина, а дальше, разгоряченные страстью, отправились к ней.

По приставной лестнице поднялись в ее комнату на втором этаже и упали на широкий матрас. Ночь показалась долгой, сил потребовалось много, но эту битву выиграл все-таки я, а не она, потому что, когда одевался, она даже не могла пошевелиться, только что-то прошептала на прощание.

Когда меня разбудило яркое утреннее солнце, сразу вскочил и начал одеваться – не хватало еще, чтобы меня застучал ее папаша. А когда сунул руку в карман, то мне в палец больно кольнула та штука, что мне вчера сунул умиравший грабитель. После того как рассмотрел ее, еще раз убедился – ничего ценного, странная безделушка из бронзы. Края разлома старые и неровные, а на самой пластине с загнутыми углами едва проступало изображение неизвестного мне существа с крыльями и головой льва. Вдруг она засветилась, словно драгоценность, наверно, потому, что в щели между досками ставен проникали ярко-желтые лучи солнца, а в их сиянии все кажется ярким и сверкающим.

Я сунул безделушку в карман, решив, что разберусь с этим дома – может, удастся продать кому-нибудь, тогда это будет несомненной удачей, и получится, что вчера сражался с грабителями не просто так, хоть это немного утешит.

– Зачем ты это сделал? – Очнувшись от своих воспоминаний, я недоуменно посмотрел на отца, даже не понял, что задремал, а он мрачно продолжил: – Вчера ты забрал кое-что ценное у жрецов храма Киль.

– Что?! – недоуменно пожал я плечами и даже возмутился: – Клянусь, вчера не видел ни одного жреца и даже близко ни к одному храму не подходил. До вечера охранял богача, которого, кстати, ты мне и навязал, проводил его до городских ворот и распрощался, когда солнце уже задело краем городскую стену.

Отец мне не поверил:

– Мне известно точно, что ты встречался в этот вечер с кем-то еще...

– Еще у меня было свидание с девушкой, у нее и провел ночь, она к жрецам не имеет никакого отношения, – ухмыльнулся я. – Такое со мной вытворяла, что если это идет от бога, то готов жертвовать в храм по монете не реже двух раз в неделю.

Отец даже не улыбнулся, наоборот, с каждым словом лицо его становилось все сумрачнее и пасмурнее.

– Вспоминай еще...

Только после этих слов я решился рассказать отцу о том, как помог одному несчастному остаться в живых, и то только потому, что был уверен – эта жертва грабителей не имеет никакого отношения к религии.

– А еще вчера вечером помог одному человеку, не хотел, так получилось...

– И взял у него то, что тот имел при себе... – Отец понемногу успокоился, а лицо его приобрело обычный розово-коричневый оттенок. – Не стоило этого делать...

– Да не брал я у него ничего...

– Вспоминай лучше. – В голосе отца прозвучала горечь. – Зачем ты вообще подошел к нему?

После этого восклицания мне стало стыдно. Отец хорошо понимал, на чем строится моя работа: никого не трогаю, и меня никто не замечает. Стоит мне встать поперек местным бандитам и грабителям или, еще хуже, кого-нибудь из них сдать стражникам, то возникнут серьезные проблемы – возможно, даже придется бежать из города.

– Понимаю твое недовольство, – сразу отвернулся я, пряча глаза. – Но у меня есть оправдание – грабители напали первыми, я только защищался, до этого никогда их не видел, чужаки это, наши меня все знают...

– Напали первыми? – Отец задумался. – Это не те люди, которых нашли мертвыми сегодня утром недалеко от площади висельников?

– Драка была там...

– У одного вспорот живот, у другого пробито сердце, у третьего разорвано горло.

– Это моя работа, – нахмурился я. – Будут проблемы со стражей?

– Никаких проблем, – покачал головой отец, продолжая что-то обдумывать. – Этих людей никто не знает, жили они в постоялом дворе на соседней улице, родственников у них нет. Расследования не будет, тела уже похоронили за крепостной стеной, а вещи забрал город. И все-таки проблема осталась...

– Что за проблема?

– Сегодня утром в муниципалитет пришли жрецы храма Киля и потребовали, чтобы мы показали им все, что было найдено на мертвых телах. Они сами осмотрели трупы, ничего не нашли и тогда спросили о тебе...

– Откуда они узнали, что там был я? Никто меня там не видел, а мертвые не говорят...

– Мною был задан тот же вопрос. А мне ответили – каждый живущий оставляет много следов, но не все из них вещественны. Это правда, сынок, как ты знаешь, я много занимаюсь с магами, разбираю их претензии к городу и городские претензии к ним, стараюсь, чтобы все чародеи придерживались определенных правил...

– Давно хотел у тебя спросить: как ты оказался на такой работе?

Спросил я для того, чтобы увести разговор в сторону. Мне самому неприятно было вспоминать то, что произошло вчера. Не хотел я этого, видит Трой, так получилось.

Отец отвлекся, правда, ненадолго.

– У меня есть дар, небольшой. Когда-то я столкнулся с гнусным волшебством, которое едва не уничтожило весь город. Рассказывать больше ничего не буду, потому что это чужой секрет. Одно могу добавить: не пришлось бороться с магом, который это чародейство совершил. Благодаря счастливой случайности мне удалось победить, и с той поры занимаю эту должность в муниципалитете, чтобы подобное не повторилось. Многие события проще предотвратить, чем исправить. Этим я и занимаюсь. Все чародеи города знают обо мне. Маги доверяют мне, потому что знают: я – один из них, а магистрат верит, что при рассмотрении будут учтены интересы горожан.

– Понятно. – Получается, я правильно понял, мой отец сам себе придумал эту непыльную работу, но передать ее никому не сможет, так как никто другой не спасал город от мерзкого волшебства. – Хорошая работа? Тебе она нравится?

– Волшебники, ведьмы, некроманты, маги белые и черные и, кроме того, жрецы многочисленных храмов – все идут ко мне, когда у них появляются претензии к городу. И, поверь мне, жрецы опаснее самых сильных магов, потому что за спиной каждого из них стоит бог, а он могущественнее любого колдуна.

– Хорошо, теперь, когда ты все выяснил, я могу идти?

– Нет, мы только подбираемся к истине. Пойми... – Отец поморщился. – Если бы не мое положение в городе, тебя бы уже вели стражники к храму Киля. Жрецы, узнав, что ты – мой сын, обратились ко мне, давая возможность уладить это дело миром.

– Какое дело?! Повторяю, вчера я не трогал никого из жрецов, а только помог случайному прохожему отбиться от грабителей, и лишь потому, что они решили, будто я слишком многое видел...

– Это был не простой прохожий, а гонец, которого нанял храм. Он прибыл издалека и вез при себе одну очень ценную вещь.

Тут я задумался.

Гонцы всегда одевались неприметно, так как везли секреты, которые часто стоят дороже золота. Лучшее средство довести что-то без проблем – сделать это незаметно. Эти парни хорошо обучены и могут себя защитить. Доводилось не раз слышать истории о том, как гонец в одиночку уничтожил банду грабителей, не получив при этом ни единой царапины. Гонцы, как и наемные убийцы, не боялись никого и ничего, колесили по всему свету, выполняя важные поручения, а оплата за их труд была не хуже, чем гонорары душегубов из гильдии убийц. Так вот кого я вчера спас?

– Я ничего не брал у гонца, а только защитил его, и жрецы должны быть за это благодарны...

– Они и благодарны, поэтому ты до сих пор жив, – грустно усмехнулся отец. – Но требуют, чтобы вернул то, что вез гонец, это ценная вещь, которая случайно попала к тебе. Так что вспоминай...

– Не брал я ничего... – Я закрыл глаза, вспоминая вчерашний вечер: вот помог прохожему встать, он вскинул высоко руку, готовясь схватить меня за горло, но потом успокоился... – и повторил твердо: – У гонца точно ничего не брал.

– А у грабителей? – спросил отец. – Может быть, подобрал оружие или золотую монету, выпавшую из кармана? Не могут жрецы просто так показать на тебя.

– Почему не могут?

– Потому что в этом деле использовалась магия.

– С чего ты взял?

– А как они догадались, что вещь у гонца взял именно ты, а не кто-то другой? Все же происходило в темноте, и ты, надеюсь, не показывал никому своего лица?

Я вздохнул, вспоминая:

– Я надвинул на голову капюшон, понимая, что не стоит светиться после того, как убил троих грабителей...

– Значит, тебя гонец рассмотреть не мог... – Отец задумчиво потер переносицу. – Может быть, он следил за тобой?

– Он едва смог поднять голову – так был слаб, не думаю, чтобы кто-то мог проследить за мной... – Я улыбнулся: – Приходить тайно и так же уходить, иметь десяток разных троп и использовать их, постоянно меняя. Никогда не возвращаться той же дорогой, что пришел, всегда иметь тайный лаз, о котором никто не знает. Так меня учили воры, которых ты нанимал мне в учителя, и я всегда пользуюсь их советами.

– Возможно, вчера вечером ты был небрежен?

– Если гонец даже меня и проследил, то мог запомнить только трактир, в котором я бываю не слишком часто, а значит, там меня никто не знает...

– Тогда как нашли дом, где ты живешь? – вздохнул отец. – Откуда жрецы знали, что я – твой отец и что ты не ночевал дома? Вот и получается, что без магии на эти вопросы не получишь ответа. Может, все-таки брал что-то у грабителей?

Я задумался – неужели из-за этой ерунды поднялся весь сыр-бор?

– Один из бандитов, умирая, сунул мне кусок старой, никому не нужной бронзы...

– Ну вот и вспомнил. – Папаша повеселел. – Покажи...

Я вытащил из кармана пластину, отец взглянул на нее так, словно надеялся увидеть вместо позеленевшей от времени бронзы здоровенный кусок золота, и растерянно развел руками:

– Действительно, ничего ценного...

– Не думаю, что вся каша заварилась именно из-за этого, но если ты считаешь, что нам не стоит ссориться со жрецами, то верни им эту безделушку. Или давай я выброшу ее на улицу, и забудем об этом...

– Может быть, есть еще что-то, чего ты не хочешь мне показывать?

– Зачем мне от тебя что-то скрывать? Ты – мой отец, я тебя уважаю и люблю. Да и смысла нет в обмане. – Я вывернул карманы, показывая горстку медных и серебряных монет. – Это все, что у меня есть. Прятать – ничего не прятал, а дома, сам знаешь, не был со вчерашнего дня. Как понимаю, жрецы не хотят, чтобы вчерашнее происшествие стало известно городу?

– Конечно, они не желают, это по их просьбе грабителей так быстро и похоронили... – Отец еще раз посмотрел на пластинку старинной бронзы, словно надеялся увидеть то, что не заметил в первый раз, но в руки брать не стал. – Тебе придется самому возратить этот предмет и извиниться, хотя вины на тебе нет. – Он неожиданно улыбнулся и обнял меня. – У меня просто камень с души спал. Я многое передумал, пока спешил домой, даже начал сомневаться в тебе и сейчас рад, что не ошибся, когда сказал жрецам, что ты – мой сын, а значит, не мог ничего совершить такого, за что мне было бы стыдно.

– Они тебе угрожали?

– Было и это. – Он коротко усмехнулся. – Хотя и понимали, что это может им только навредить. Отнеси, пожалуйста, в храм эту пластину, и забудем обо всем. Прости меня, сынок, за то, что так резко говорил с тобой...

– Ладно, – улыбнулся я, но на сердце у меня стало тревожно. – Отнесу.

Мне вдруг вся эта история показалась очень странной. К чему такие сложности? Почему нужно идти в храм? Если жрецам нужен этот кусок старинной бронзы, почему они сами не пришли сюда? Дом им известен. Могли, например, прислать гонца, которого я вчера спас...

После недолгих раздумий я пришел к выводу, что все равно придется идти в храм, чтобы не подставлять родителя.

Но мне не хотелось...

Я даже вздрогнул – настолько необычными показались эти мысли, но ничего не сказал вслух. Отец всегда помогал мне, нисколько не сомневаюсь, что он и перед жрецами защищал меня. Что это за храм бога Киля? Есть только один человек, который мне расскажет обо всем и поможет.

Я решил найти Молота, с ним мы не раз дрались вдвоем против всех, а сегодня как раз тот случай, когда мне нужно прикрыть спину. Такое у меня предчувствие, и я ему верю...

Слишком тревожно стало на душе после разговора с отцом.

– Сделай милость, сходи и друга с собой возьми, не помешает... – Отец рассеянно посмотрел в окно, и я вдруг с ужасом заметил, как он стар. И еще он даже не заметил, как ответил моим мыслям. Обычно скрывает от меня свои способности. – Прошу тебя, будь осторожен – жрецы опасны, они могут забрать твою жизнь и отдать своему богу, а ты этого даже не заметишь.

Редкие седые волосы слиплись одной прядью на голом черепе, обтянутом морщинистой коричневой кожей. Руки тонкие и худые, покрытые змеящимися синими венами, да и голос дрожал. Никто его раньше не мог напугать, а вот сейчас я видел, как он старательно прячет от меня свой страх.

– Разве такое возможно?

– Многое возможно, сынок. Я давно общаюсь с магами и понял, что большая часть того, что рассказывают о них люди, – правда, но еще страшнее то, о чем никто не знает. Жрецы имеют силу намного большую, чем чародеи, они используют другие энергии и призывают иные сущности. Если бы началась война между чародеями и жрецами, я бы поставил на жрецов. Боги существуют, поверь мне, иногда они даже сходят на землю, и тогда смертным приходится худо. Хорошо, что такое происходит редко...

– Учту, богов дразнить не стану... – Я ласково погладил его по плечу, отчего он так отчаянно вздохнул, что у меня даже навернулись слезы на глаза. – Отец, ты не беспокойся, я услышал все, что ты мне сказал, задираться не буду, постараюсь вести себя мирно и тихо. Мне нечего делить со жрецами, отдам им эту проклятую пластинку и уйду.

– Все будет не так, как ты сказал. – Отец поднял на меня карие печальные глаза и горько улыбнулся. – У меня слабые способности к предвидению, но они говорят мне, что беда пришла к нам в дом и вряд ли уйдет из него сама собой. Придется потрудиться, чтобы ее прогнать.

– Я постараюсь.

Солнце зависло над головой, за разговором утро незаметно перешло в день. Становилось жарко. Глаза закрывались сами собой от яркого блеска в ручьях нечистот, бегущих по улице. Прохожих было мало, и те спешили по своим делам.

Молота следовало искать в трактирах, где он обычно подрабатывал вышибалой. Его охотно брали за огромную медвежью фигуру и добродушное, всегда улыбающееся лицо. Кроме того, у него была репутация человека, не любящего драться и предпочитающего миром улаживать все проблемы.

Большинству драчунов и смутьянов было достаточно взглянуть на его огромные кулаки, покрытые многочисленными шрамами и отметинами от чужих выбитых зубов, чтобы они успокаивались. А тех, кто не понимал простых истин, мой друг поднимал за шиворот и нес к двери. Увидев такую демонстрацию силы, желающих подраться больше не находилось.

Это нравилось всем, и в первую очередь, конечно, трактирщикам.

Никому из них не хотелось, чтобы их заведение разнесли в щепки.

Драка есть драка, начинается вполне безобидно, а закончиться может даже смертоубийством, а то и не одним – бывало, всю прислугу вырезали и самого хозяина вешали на вывеске...

Там, где работал вышибалой Молот, никогда не происходило больших побоищ: едва тучи начинали сгущаться, как мой друг появлялся у столиков со своей добродушной ухмылкой, глядя на которую невозможно было не улыбнуться в ответ.

Обычно этого уже хватало, чтобы остановить потасовку, но если не помогало, то силы у Молота хватало, чтобы успокоить любого драчуна, каким бы он огромным ни был, и при этом ничего не разрушить.

Если же все-таки начиналось побоище, тогда мой друг пускал свою силу на полную катушку. Однажды я видел, как он укладывал драчунов одного за другим около входной двери, насчитал больше десятка, а Молот при этом даже не вспотел.

Трактирщики такое ценили, поэтому без работы он никогда не оставался, в любом питейном заведении его ожидала бесплатная еда и выпивка, и гулять с ним по городу было одно удовольствие – в каждой забегаловке нас ждали.

Правда, мой друг долго нигде не задерживался, кочевал из одного трактира в другой, чтобы, как он говорил, попробовать разную еду и вино, а заодно перетискать всех служанок.

Но на это никто из хозяев не обижался, каждый из них знал: заведи себе новую симпатичную подавальщицу, и Молот тут же вернется.

Я знал, что он поменял очередной трактир, но где пристроился в этот раз, мне было неизвестно, поэтому стоило спросить у хозяина ближайшего заведения, они обычно знали, где его искать...

Когда я оглянулся, то увидел – отец так и стоит у нашего дома, с тоской глядя мне вслед. Мое сердце рвалось наружу, больно и жалко его. Любит он меня, а я отвечаю ему тем же...

Я при первой же возможности свернул на соседнюю улицу, чтобы больше не чувствовать на спине этот печальный взгляд.

Прошел совсем немного, всего-то сотню метров, как вдруг почувствовал, что кто-то снова уставился мне в спину. Оглянулся, никого не увидел. Прохожих немного, все заняты своим делом.

Пробежал мальчишка, неся в руках стопку выделанных кож, – должно быть, ученик сапожника. Девушка пронесла в корзине белье, вероятно, отправилась на дождевые пруды, там у нас стирает весь город. Дедок с белой длинной бородой сидит на скамейке, глядя в бездонное небо, на меня не смотрит, а ощущение взгляда осталось.

Свернул в узкий пустынный переулок, образованный стенами двух трехэтажных каменных домов, там, дойдя до конца, оглянулся.

И удивился тому, что никто за мной не шел.

Тут же вспомнились слова одного вора: «Мы слышим и видим мало, но чувствуем и ощущаем невероятно много, учись доверять своим чувствам, тогда тебе удастся выжить».

Все-таки как много мне дал отец, заставив учиться у тех, кто живет на самом дне. Именно от них я узнал, как жизнь иногда бывает жестока к беспечным дуракам.

Я прошел переулок, свернул на другую улицу, прошел по ней немного, перемахнул через высокий забор и оказался во дворе большого трактира, прокрался вдоль конюшни и зашел внутрь через жарко натопленную кухню, наполненную густым облаком разных вкусных запахов.

Повариха встрепенулась было и, размахивая огромным половником, направилась ко мне, но, признав во мне приятеля Молота, только осуждающе покачала головой:

– Если бы не твой друг, прибила бы...

– И вам доброго здоровья. Молота нет?

– Уже недели три не показывался, а где ошивается, не знаю...

Пройдя в основной зал, я сразу напоролся на хозяина, который ошалел от моей наглости, увидев, как я выхожу из кухни, поэтому на мои расспросы долго раздраженно бурчал о том, что если отец уважаемый в городе человек, то это совсем не значит, что мне можно ходить у него в доме там, где захочется.

Повариха сказала правду, Молот в этом заведении давно не показывался, служанка сказала, что он работает вышибалой в паре кварталов отсюда.

Я заказал и выпил немного разбавленного вина, чтобы успокоить хозяина, а не потому, что хотелось, и вышел через главный вход.

На улице народа было немного, шпиону негде спрятаться, но через сотню шагов я снова почувствовал, как у меня зудит между лопатками.

Свернул в очередной глухой проулок, выждал какое-то время, никого не увидел, перелез через пару заборов, выскочил на соседнюю улицу, проскочил через двор сгоревшего дома и зашагал дальше по узкому пустынному проулку.

Если бы за мной следили – точно оторвался бы.

Почему же через десять шагов я вновь почувствовал уже знакомое ощущение пристального взгляда?

Я оглянулся, и у меня похолодело внутри. Никого! Улица пуста, а ощущение взгляда осталось.

В лицо мне светило солнце, высунувшись наполовину багровым ликом из-за крепостных стен и не давая рассмотреть детали, но все равно человека на каменной брусчатке я заметил бы и на крыше или в окне...

На всякий случай дальше побежал, надеясь, что соглядатаю придется отказаться от дальнейшей слежки, иначе себя выдаст.

Так я думал, но... ошибался – оглядывался раз пять, никого не видел, а ощущение чужого взгляда не исчезало.

Тогда начал перемахивать через заборы и проскакивать чужие дворы – дорога знакомая, здесь прошло мое детство, когда-то ходил только так, получалось намного быстрее.

В нужный мне трактир вошел с внутреннего двора. На кухне меня не заметили за обычной суетой, да и не старался я привлечь к себе внимание, наоборот, внес вязанку хвороста, словно меня наняли для этого, и проскользнул в главный зал.

Молот сидел за столом и тискал симпатичную служанку, пользуясь тем, что хозяин спустился в погреб за вином.

Когда я подошел ближе и, сев за его стол, объявил, что он мне нужен, мой друг аккуратно снял с колен девушку, поцеловав при этом нежно в губы, и пошел к двери.

– Это может быть опасно, – добавил я, пользуясь моментом, чтобы допить его кружку вина. Рубашка промокла от пота, все-таки побегать мне пришлось изрядно, и еще мучила дикая жажда. Вино было как раз то, что требовалось.

Выпил и снова налил из кувшина, завидуя Молоту, который умел так великолепно устраивать себе жизнь. На столе еще лежала наполовину обгрызенная тушка жаренного на вертеле цыпленка, на которую я посмотрел с определенным интересом. Есть вроде пока не хотелось...

– Что ты сказал? – нахмурился мой друг. – У тебя проблемы?

Даже с шага не сбился, но у двери остановился и, пошарив за занавеской, вытащил небольшую дубинку из крепкого дерева, обитую железом, – это превращало обычную палку в очень опасное оружие, такой можно биться даже против меча и алебарды.

– Дубины хватит? – спросил он, продолжая шарить за ширмой. – Или еще что взять?

В ответ я только пожал плечами, потому что засунул в рот кусок цыпленка, решив – не стоит пропадать такому добру.

У меня самого имелось лишь два ножа, как обычно закрепленных в ножнах под рукавами рубашки, но этого должно хватить, дубинка – хорошее дополнение, как раз то, что надо.

Молот вытащил из-за занавески огромный нож и засунул его в сапог.

Что ж, тоже не помешает...

– Пошли, по дороге расскажешь, в какие неприятности влез.

Я допил вино, бросил то, что осталось от цыпленка, на глиняное блюдо, и, облизывая пальцы от жира, пошел к двери. Служанка сокрушенно взмахнула руками:

– Вечером придешь? А то я так мерзну по ночам...

– Я раньше приду, чтобы уложить тебя на кровать, – ухмыльнулся Молот. – Не случилось еще такой беды, чтобы отказался от такой красотки.

– Сейчас, возможно, как раз такая беда и пришла, – пробурчал я в огромную спину, думая, что он меня не услышит, но Молот услышал и оглянулся:

– Меня одного хватит или еще кого-то позвать? Кнут, я слышал, не при деле...

– Его еще найти надо...

Кнут был еще один наш добрый приятель с детства.

Это прозвище он получил за умение управляться с пастушьим кнутом, которым мог многое, даже соломинку с плеча убрать, а человек ничего при этом не чувствовал. В драке

его гибкий хлыст становился страшным оружием, потому что в него были вплетены острые металлические лезвия.

– Да и времени нет его искать...

– Ну как знаешь, а то бы за ним сходил, знаю, где он сейчас обретается. Так в чем дело? Расскажи, что за беда с тобой приключилась?

Мы вышли из трактира, я на ходу рассказал всю историю в очень простом и сжатом варианте. Прозвучало это примерно так:

– Шел вечером к подружке, увидел, как грабят мужика, хотел пройти мимо, да громилам не понравилось, что я тут хожу, вот и захотели меня жизни поучить, а то и совсем ее лишить.

В этом месте Молот усмехнулся, он знал, каким я становлюсь, когда кто-то пытается мне угрожать. Мы и с ним подружились потому, что, несмотря на его рост и вес, я дрался с ним так, что у него выбора не оставалось – либо стать моим другом, либо умереть. С тех пор мы вместе, могу положиться на него в любых ситуациях, а он знает, что я заплачу ему тем же.

– Сначала увидел двоих, потом к ним присоединился еще один, который, видимо, должен был отпугивать случайных прохожих, а меня проморгал, потому что я вышел из тупика – там у меня секретный лаз.

– Дальше можешь не рассказывать, – ухмыльнулся Молот. – Тебя я вижу целого и невредимого, а о том, что стража утром нашла троих чужаков, которых кто-то зарезал этой ночью, уже слышал.

– А дальше начинается очень странная история, – вздохнул я. – Один из грабителей сунул мне в руки кусок старой бронзы, а прохожий, которого грабили, оказался гонцом. И к моему отцу, едва он появился на работе, ввалились жрецы и потребовали, чтобы я отдал то, что взял у гонца. Так что иду отдать то, что попало мне в руки. Это все...

– Все? – не поверил Молот. – А когда станет страшно? В любой истории нужно хорошо напугать, тогда ей поверят. Ладно, рассказывать ты, я вижу, не мастак. Так куда мы идем?

– В храм Киля... Теперь страшно? – Я усмехнулся, увидев, как вытягивается лицо друга и становится мрачным. – Не знаю, что у них за религия, но думаю, что-то по-настоящему серьезное, ибо сегодня впервые увидел, как отец боится, да и у меня самого что-то нехорошо на душе, поэтому зашел за тобой.

– Что ж, зашел так зашел, для чего еще нужны друзья? – Молот вздохнул, закрепил дубинку под мышкой в специально пришитые под полую петлю, чтобы не мешала ему в ходьбе. – Тогда за Кнутом не пойду, пусть хоть он поживет на этом свете...

– Ты это серьезно? – Шутка мне не понравилась. Я приготовился на всякий случай к неприятностям, да и, по правде, в груди у меня что-то неприятно сжималось каждый раз, когда упоминал храм, но Молот... его напугать трудно. – Чем нам могут навредить жрецы? Они же, кроме своего бога, ничего не знают...

– Это точно, – согласился со мной Молот. – Да только Киль – бог не простой.

– И чем же?

– Он бог-странник! – Мой друг сказал это так, словно одной фразой поставил точку, и всем все стало понятно, и даже зажмурился от удовольствия. Молот далеко не дурак, его добродушное лицо иногда кажется глуповатым, но тот, кто на это клюет, позже жестоко раскаивается.

Мой друг умеет читать и писать, какое-то время его воспитывали в храмовой школе, он собирался стать жрецом, но потом сбежал, решив, что вольная жизнь лучше. К тому же от него потребовали, чтобы он принял обет безбрачия, а этого он сделать никак не мог.

Девушек Молот любил всегда, и они были от него без ума.

А вот если бы доучился, сейчас был бы служкой в храме Корта – это один из наших самых могучих богов, число его жертвователей постоянно растет, и жрецы по-настоящему

богаты. У них каждый день на столе замечательная еда и лучшие вина в городе. Мне кто-то рассказывал, что пожертвования Корту всегда возвращаются сторицей, потому что этот бог, кроме всего прочего, ведает и удачей, наверно, поэтому в его храме всегда много народа.

– Слушай, ты рассказывай подробнее, меня, в отличие от тебя, из храмовой школы выгнали раньше, чем стало понятно, какими делами там занимаются.

– Все остальные боги не любят путешествовать. – опять лаконичный ответ, абсолютно ничего не объясняющий. – А этот без дороги жить не может.

– И что? – Молота стоит послушать, когда он рассказывает о жрецах, знает много. – Это мы, простые люди, почти ничего не знаем о богах, помним только о самых богатых и преуспевающих и несем дары только тогда, когда нам приспичит, – например, со здоровьем неладно или судьба вдруг преподнесет неприятный сюрприз. А богов больше двух десятков, храмов еще больше...

– Неужели бог-странник могущественнее Корта, дарующего удачу?

– Не могущественнее, но Киль многое видел во время своих странствий по другим мирам, а значит, умеет больше других богов.

– Знания? – Я даже не стал скрывать своего разочарования. – Кому нужны горы пыльных книжек, манускриптов и свитков? Я уже раз пытался их продать, так у меня ничего не вышло – за целый день не нашел ни одного дурака, который бы решился это купить.

Точно говорю, от книг, кроме пыльной лихорадки, ничего не приобретешь. Что толку знать о том, что происходило много сотен лет назад, если все меняется – земля давно стала другой, да и люди тоже...

– Книги продавал, когда сбежал из школы жрецов Троя? – уточнил Молот. – Насколько мне помнится, ты там не пробыл и недели. Не знал, что ты украл книги...

Не люблю рассказывать эту историю. Папаша хотел меня научить писать и читать и отдал жрецам, но мне там не понравилось, и я сбежал. Отцу пришлось самому обучать меня грамоте.

– Книги случайно подвернулись мне под руку. Должен же был я как-то отомстить за розги, которыми меня лупили, и за стояние на коленях на каменном полу? Мне до сих пор иногда кажется, что они у меня плоские, как булыжник на этой мостовой.

Мы как раз шли по центральной улице, она у нас облицована мелким камнем, но уложены они ровно, аккуратно, так что ноги сами идут. Говорят, что эта улица досталась нам от древних – тех, кто жил здесь до нас. Наши каменщики на такое не способны.

Молот рассмеялся, он был, как и я, не лучшим послушником, поэтому, какие наказания применяются в школах жрецов, ему известно не менее хорошо, чем мне:

– И что стало в итоге с книгами, которые ты спер?

– Не поверишь. – Я тяжело вздохнул. – Вернул все обратно.

– Вот этому точно не поверю!

– Отец заставил, – начал оправдываться я. – Ему еще пришлось новую серебряную утварь заказывать, старую я раздавил, чтобы легче было продать, а за мягкое серебро вообще мало дали...

– Здорово отлупил? – Молот с любопытством взглянул на меня, его-то били, да еще как, но он все равно делал все по-своему, впрочем, для него розги как щекотание соломинкой. – Больно было?

– Он меня ни разу не ударил, только вздыхал, что ему пришлось из-за этих неприятностей заложить вещи, которые остались от моей матери. Они были очень дороги ему, да и мне тоже. И все-таки ты не сказал, чем этот странник Киль опаснее других богов?

Мы уже прошли половину города, осторожно перешагивая через ручьи нечистот и не сводя глаз со вторых этажей – ротозеям легко получить ведро помоев себе на голову. Народ у нас простой, бесхитростный, когда выливают, даже стражников не жалеют.

Солнце уже застыло на середине выцветшего от летнего жара неба, на нем не проползало ни одного облачка, казалось, сам воздух вокруг раскален.

Меня жажда мучила еще после пробежки, кстати, чужой взгляд я и сейчас ощущал на спине, часто оглядывался, но никого не видел.

С Молотом мне стало гораздо спокойнее, он в беде не бросит, мы с ним как-то отбились от ватаги пьяных стражников, а там ребята были крепкие, как на подбор, потом мирились, вино вместе пили, до сих пор северные ворота могу проходить, не платя обязательного взноса в городскую казну.

Мой друг тоже начал поглядывать на жестяные вывески с кружками в поисках трактира, где можно было бы выпить, не тратя мои деньги. Своих у него никогда не было, если серебро и медь и появлялись, то сразу уходили на подарки служанкам. Убедившись, что вывески ему незнакомы, недовольно пробурчал:

– Богу-страннику пришлось бродить в опасных местах, где гибнут, поэтому он покровительствует воинам-одиночкам, и большинство наемников поклоняются именно Килью...

– А я слышал, наемники признают только главного бога Корта за то, что он дает им удачу...

Спор был пустым, бессмысленным и глупым, но я все равно подзадоривал Молота, иначе скучно идти: вот уж удовольствие – тащиться через весь город, чтобы отдать жрецам бесполезную, никому не нужную, старую пластинку.

– Карту поклоняются солдаты и их командиры, потому что он, кроме всего прочего, еще и бог войны и сам решает, какой армии победить, а какой остаться разлагающимися трупами на поле боя. Наемники – дело другое, сами по себе, в армию их берут в основном для разведки, да еще для захвата мелких фортов, поэтому они выбрали себе Килью, он оберегает их в мелких стычках.

Отец у Молота был когда-то королевским гвардейцем, участвовал в трех войнах, чудом выжил, все знания моего друга о военных действиях от него, так что мне оставалось только кивать.

– А почему не Трой? – Мне нравился этот небожитель, хоть я и сбежал из жреческой школы, он был самым настоящим авантюристом, ему поклонялись все грабители и бандиты, а также стражники. Поэтому, когда ночью я покидал школу с ворованным добром жрецов, то не испытывал никакого раскаяния, так как был уверен: Трой меня поймет. – Это как раз тот бог, который любит ловких и умелых ребят, а наемники часто такие.

– Трой помогает только в воровстве и грабеже да, пожалуй, в хорошей драке, кстати, мне тоже как-нибудь надо будет зайти в его храм и оставить пару серебряных монет, но Килья его сильнее. Думаю, если бы бог-странник больше жил в своем доме на верхнем небе, то на главном троне сидел бы он, а не Корт. Хотя он и не умеет тряссти землю и швыряться молниями, но у него есть другие не менее полезные умения.

– И какие?

– Хитрость, дар находить неожиданные решения трудных задач, выносливость и смелость, но главное, что дает Килья своим поклонникам, – умение выживать даже тогда, когда это кажется невозможным. – Молот наконец увидел знакомую ему вывеску с кружкой, перешел на другую улицу, перепрыгнув ручеек нечистот, при этом чудом избежал встречи с груженной дровами телегой, но продолжал спокойно говорить.

Прооравшему ему что-то возчику он показал огромный кулак, и тот сразу заткнулся, испуганно направив лошадь в узкий переулок.

– Ни один из богов с ним в этом не сравнится...

– Отчего же он тогда не столь известен и популярен, как Корт? Где реки подношений от простодушных почитателей?

– Килю поклоняются те, у кого немного денег, кто не любит свет, а предпочитает скрываться в тени, но тем не менее его храмы не беднее других, жрецы питаются сытно и одеваются в хорошие шерстяные рясы и крепкие сандалии. Я слышал, кое-где даже содержат рабов для работ на храмовых огородах и виноградниках.

– Мне отец говорил, когда жрецы имеют большое влияние, это без золота не бывает. – Мы вошли в трактир, мой друг о чем-то переговорил с хозяином, и нам тут же принесли кувшин вина. Служанка так улыбалась и приседала в порыве что-то убрать из-под наших ног, постоянно показывая свою пышную, наполовину обнаженную грудь, что я от зависти выпил пару кружек вина без перерыва.

Действо сие было предназначено не мне, и я почувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Молот обнял девушку за талию, чмокнул в алые губки и отправил на кухню за жареной рыбой.

– Но откуда они берут деньги, если подношений так мало?

– А вот это и есть секрет, который жрецы никому не открывают. – Мой друг одним движением опрокинул в свою огромную луженую глотку глиняную кружку и налил себе еще. – И скажу больше, храмы бога-странника строятся в отдалении от других, а жрецы держатся тихо и незаметно. Кстати, их приход к твоему отцу говорит о важности того, что ты несешь.

– Вот это важно?! – Я вытащил из кармана и положил на мокрый стол, сбитый из толстых дубовых досок, полоску позеленевшей бронзы. – Кому нужен этот кусок старого, никому не нужного металла?

– Может, это талисман какой-то или еще что-то магическое, а мы этого просто не понимаем... – Молот ткнул в бронзу куском хлеба. – Странно это все, очень странно...

– Что тебе показалось странным? – Я убрал пластинку в карман, мне показалось, что она чуть засветилась, а металл нагрелся, словно находился возле огня. – Мне, например, все это кажется не странным, а глупым...

– Обычно жрецы прячут свои секреты, в храм Киля попасть трудно, ворота открываются раз в месяц, и то только в полнолуние.

– А что это значит?

– Не знаю я, но моления у них ночные, а это значит, что, если тебе удастся войти в храм днем и вернуться живым, ты уже счастливчик. – Молот выпил еще одну кружку и встал, я отпил только половину, но, повинаясь его знаку, тоже поднялся. – Давай зайдем в храм Корта, это нам как раз по дороге, бросим богу пару монет на удачу.

– Думаешь, нужно?

– У меня есть в этом храме друзья – кое-кто из тех, с кем учился, они помолятся. Вступится за нас Корт или нет, мне неизвестно, но, может, они вымолят для нас удачу, а она еще никому не мешала.

– Я не ослышался, ты сказал, что опасно идти в храм Киля днем?

– Как-то слышал, что те, кто входит на его территорию при свете солнца, обратно не возвращаются. Может, и глупость... – Мы вышли снова на улицу, она была такой же жаркой, горячий ветерок дул в лицо, но и он нес с собой жар, а не прохладу. – Рассказывали мне одну историю. – Молот перепрыгнул через ручей нечистот и выругался, когда его обрызгала проезжающая телега. Мужик, который вез хворост, даже не оглянулся, услышав страшные ругательства в свой адрес. Но мысль мой друг не потерял.

– В храм Киля зашел жрец Корта и не вернулся. За ним послали десяток жрецов, не вернулись и они. Тогда власти отправили туда отряд стражей вместе с чиновником из городской управы, а также десяток королевских гвардейцев для прикрытия.

– И что?

– Не вернулись и они. Городские власти шум поднимать не стали, о чем-то со жрецами договорились, и на этом все закончилось. Но сам подумай, пропало целое войско, и никто ничего не сделал! Веришь?

– Не знаю.

– И никто не знает. – Мой друг тяжело вздохнул. – Ни тел не нашли, ни оружия – словно никто никогда в храм и не входил. Вот иду и думаю: а что будет, если пропадем мы? Ведь даже из-за гвардейцев никто не стал поднимать шум.

– И что?

– Нас точно никто искать не станет.

– Вот это да! – Если бы я не обещал отцу, то после этих слов сразу повернулся бы и пошел домой. – Получается, совсем плохи наши дела. . . .

– Они так же плохи, как и минуту назад, – усмехнулся мой друг. – Я с самого начала сказал, что нас ничего хорошего не ждет, но как-нибудь выкрутимся, не в первый раз. А рассказал тебе больше для того, чтобы держал ушки на макушке и знал: там не все чисто. Но все равно не уговаривай – не отпущу я тебя одного в храм, с тобой пойду. . . .

– Больно надо уговаривать! – фыркнул я, но внутри стало так тепло и хорошо, словно меня коснулась чья-то ласковая рука. Даже на мгновение слезы на глаза навернулись. Это мой друг. Люблю его. – Хочешь умереть, пожалуйста, а я еще поживу.

– Тогда и я помирать не стану. – Молот взял меня за руку и подтолкнул к огромным, покрытым золотом дверям, блестящим в свете солнца так, что глазам стало больно.

Светило уже висело над головой в зените, жаркое, слепящее, сияющее над городом, как огромный круг толстого золота. С меня пот тек рекой, да и с друга тоже. В это время в городе днем даже ручьи нечистот пересыхают, на улицах не встретишь ни одного празднующего человека, разве что только тех бедолаг, которых заставляют хозяева трудиться.

В храме Корта было тихо и пусто, но главное – здесь царил приятная прохлада. Я сразу присел на один из жертвенных камней, которые стояли у входа, чтобы отдохнуть, пока Молот кого-то ищет. По большим праздникам на этих камнях перерезали горло петухам, черным козлам и белым овечкам, чтобы вымолить у бога благословение своим делам. Если бы не знал, как тщательно потом вымывают эти камни, никогда бы не сел, но очень устал, а лавок и скамей в этом храме не полагалось.

К тому же после бессонной ночи глаза слипались, так и не заметил, как задремал, и для меня стало неожиданностью, когда кто-то громко произнес под самым моим ухом:

– Многим людям кажется, что они могут делать все, что хотят, но жизнь говорит о том, как они ошибаются. Вот глупый человечек занял место жертвы, потом будет удивляться, что ею стал.

Я мрачно оглянулся и увидел тощего низенького жреца, одетого в коричневую хламиду. Он стоял у дверей и задумчиво меня разглядывал.

– Ты способен видеть будущее? – поинтересовался я с определенным ехидством, но тем не менее сполз с камня. – И легко отличаешь в толпе жертву от обычного прохожего?

– Здесь нет толпы; потому что еще не пришло время для вечернего восхваления Корта, тогда в этом храме будет не протолкнуться, и ты не прохожий, поэтому угадать будущую жертву нетрудно. Можешь поверить, осталось жить тебе совсем немного, скоро твой жизненный путь закончится и начнется долгое падение во мраке, и никто не поможет, так как этот путь ты выбрал сам.

– Сколько стоит изменить такое пророчество? – Меня аж передернуло от отвращения, хотя я и знал, что это обычная практика всех жрецов – пугать, иначе кто станет им платить? Мало кому хочется проверять, правду ему сказали или нет, а вот заплатить, чтобы этого не случилось, готовы все. – Пары серебряных монет хватит?

– Пары монет хватит, – милостиво согласился жрец и довольно улыбнулся. А чего ему не радоваться? Работа сделана, деньги заработал. – Но этого хватит лишь на то, чтобы отвести беду в сторону, изменить судьбу стоит дороже.

– В этот раз поработаешь бесплатно. – Из-за колонн вышел Молот и приблизился к нам. Когда надо, он умеет двигаться бесшумно. – Иначе вспомню все, что ты творил в храмовой школе, а что вспомнить не удастся, то сочинию, думаю, мне поверят...

– Кто это? – Жрец подслеповато прищурился, тут и я сумел разглядеть, что он не так стар, как мне показалось. Услышать голос друга было приятно, словно с души упал тяжелый груз. Кто их знает, этих жрецов, а может, они и на самом деле видят будущее? – Шаги тяжелые, фигура бочкообразная, голова твердая, тупая... Молот?

– Забыл сказать о кулаке пудовом, – усмехнулся мой друг, подходя ближе и поднимая жреца в воздух. – И о силе никем пока не меренной.

– Отпусти, медведь, здесь все-таки храм, а не заросший травой двор трактира, где ты вырос. Не дай бог, Корт наблюдает за нами или старший жрец.

– Старший жрец обедает, очень расстроился, когда понял, что я увидел яства, которые не разрешены для употребления в это время суток, поэтому быстро рассказал, где тебя найти. А Корт, как всегда, занят своими делами, ему на нас, мелких человечков, плевать.

– Поставь меня на эти замечательные гранитные плиты, которыми покрыли пол в этом году, и расскажи, что тебе от меня нужно. Пока, кроме угроз, я ничего не услышал, но уже понимаю, что ты здесь оказался не случайно...

– Помолись за нас двоих, брат Гривен. – Молот поставил тщедушного жреца на землю. – Нужна нам удача и сила, так как мы направляемся в храм Киля.

– Вам не об этом следует молить Корта, а о том, чтобы он вам дал хоть немного разума. – Жрец поправил задравшийся от висения в воздухе балахон. – Никто не ходит в храм Киля днем, кроме глупцов и самоубийц...

– Мы бы тоже не пошли, да у нас дело.

– Какое такое дело? – Жрец снова прищурился, пытаюсь хоть что-то разобрать на простодушном лице моего друга. – Ты серьезно?

– Серьезней некуда, ты же не считаешь меня и в самом деле тупым?

– Если бы не знал раньше, то посчитал бы. Безопаснее залезть в нору ядовитых гадюк, чем идти в храм Киля...

– Ладно, я все сказал, дальше начну только повторяться. – Молот направился к двери. – Помолись?

– Помолюсь, и начну прямо сейчас, а еще позову брата Дина, он тоже получал от тебя затрещины в школе, но сначала объясни, что за дело у тебя в храме бога-странника? Если это связано с нападением на гонца и тремя трупами, найденными сегодня утром, то тебе бежать надо из города как можно быстрее, а не молитвы за здоровье заказывать.

– Это еще почему? – Молот неожиданно остановился, и я, не ожидая этого, снова врезался в его широкую и потную спину. – Что здесь не так? Рассказывай!

– Мне известно только то, что жрецы Киля нашли часть того, чего не стоит называть, нечто очень важное для нашего мира. Когда-то это было надежно спрячено, чтобы не попало в руки тех, кому не предназначено, а теперь найдено.

– Туманно и непонятно.

– А чего тут непонятного? – криво усмехнулся жрец. – Представь, что ты нашел ключ от королевской казны, и об этом стало известно всем... Как думаешь, что будет?

– Будет плохо, – кивнул Молот. – Желаящих запустить руку в казну много, меня, вероятнее всего затопчет толпа алчущих золота, потом они передерутся друг с другом, и путь ключа по городу будет отмечен кровавыми лужами и кучей трупов.

– Именно так и произойдет, – покивал жрец. – А эта история еще хуже, потому что золото ничто – власть нечто гораздо большее. Я положу подношение на алтарь Корту за тебя и за твоего неразумного друга, рвущегося к тому, чтобы стать жертвой, но вряд ли это поможет...

– Власть? – Молот нахмурился, покатав это слово на языке, словно желал его попробовать, потом сплюнул прямо на гранитные плиты, – видимо, вкус ему не понравился. – Что ж, тогда надо быстрее добраться до храма, отдать все, что им нужно, и забыть об этом деле навсегда!

– Не получится, – вздохнул жрец. – Это как история с ключом от казны – пока никто о нем не знает, все хорошо, но как только узнает кто-то еще, все сразу становится плохо. Жрецы Киля не хотят, чтобы люди говорили о том, что потерял гонец, а секреты умеют хранить только мертвые. Молиться буду остаток дня и всю ночь за тебя и твоего друга – это все, что могу сделать.

– Мне вполне хватит, – кивнул Молот и решительно направился к двери. Выйдя из храма в яркий, солнечный день с зелеными деревьями и благоухающими цветочными кустами, которые были насажены вдоль ведущей к храму аллеи, мой друг повернулся и мрачно взглянул на меня. – Ты все слышал?

– Слышал. – Я пожал плечами. – Если не брать в расчет ту ерунду, которую жрецы обычно преподносят прихожанам, то следует немедленно дойти до храма Киля, отдать им бронзовую пластинку и пойти выпить в ближайший трактир.

– О чем я тебе рассказываю уже битый час? Мы можем не вернуться из храма...

– И что? – вскинулся я. – Нас могут убить каждый день. С тех пор как появились на этот свет, с этого мгновения наша смерть стала реальностью, которая нас ждет – шаг за шагом, день за днем. Все равно все мы идем к смерти, потому что другой дороги нет, так устроен мир.

– Хорошо бы, чтобы эта дорога оказалась подлинной.

– Если будем осторожны, – я сплюнул в пыль и зашагал по аллее к выходу из храма, наши роли поменялись – теперь Молот шел за мной, – тогда может быть...

Впрочем, так всегда и бывает, сначала лидером становится он и пребывает им до тех пор, пока мы не сталкиваемся с чем-то по-настоящему опасным, тут мой друг начинает задумываться и отставать, и тогда вперед выхожу я.

– В драку первыми не полезем, а если кто-то захочет нас убить, то пусть потом не жалуется.

– Если дело касается золота и власти, то дела плохи, – осторожно заметил Молот. Он уже заметил перемену моего настроения и стал говорить осторожно, опасаясь задеть меня за живое, я начинал свирепеть.

– И стража вмешиваться не станет...

– Не стоит расстраиваться, все не так плохо. Хуже другое – я весь день чувствую за собой слезку и даже сейчас ощущаю ее спиной, а ни разу не удалось увидеть шпиона. Что это?

– Я тоже почувствовал, что за нами следят, и никого не увидел, – признался Молот. – Наверно, магия...

– И с магами, если надо, разберемся.

– Поживем – увидим, но жить все равно хочется, – вздохнул Молот. – Ну да ладно, вечных людей нет, в этом ты прав.

Он снова вышел вперед, а я не возражал, потому что дорогу к храму не знал, только догадывался, где тот находится – в восточной части города, где крепостная ограда примыкает к Орлиной горе. Она в этом месте вздымается крутой каменной стенкой, подняться по

которой невозможно. Рядом с горой никто не селился, кроме бедняков, с горы периодически сходят лавины, зимой снежные, а летом – камнепады.

Для уединения лучшего места не найти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обычно мы выбираем себе бога. Гораздо хуже, когда бог выбирает себе нас.

Из книги бога-странника

Чем ближе подходили мы к горе, тем беднее становились дома вокруг и больше было людей, роющихся в отбросах. Грязи тоже добавилось, здесь уже никто даже не пытался убирать, под ногами лежало все – от сломанной телеги до обглоданных крысами человеческих скелетов. Зато детворы, купающейся в каналах, прибавилось. От их гомона и веселого смеха настроение немного поднялось.

И действительно, вот уж кому не позавидуешь, шансов у них на нормальную жизнь нет ни одного, но они смеются и радуются жизни – так чего нам-то кукусься?

Вершину Орлиной горы закрывали черные, дождевые тучи, около нее шел дождь.

Это казалось забавным: весь город купается в солнечных лучах, а здесь гремят молнии, сверху течет мутная дождевая вода.

У подножия когда-то давным-давно, еще древними, были устроены пруды для сбора дождевой воды, от них расходились облицованные камнем каналы, по которым город много лет снабжается водой.

Здесь всегда собираются женщины, стирают, болтают, обсуждают последние городские сплетни, но сегодня больше было купающейся детворы, чем прачек.

За прудами дома стали еще ниже, показались лачуги самых нищих бедняков, сделанные чаще всего из хвороста, обмазанного глиной, а то и просто из камыша.

А потом все дома внезапно кончились, и впереди в мутной пелене дождя у самой горы замаячил храм Киля, укрывшийся от потоков воды, снегопада и камнепада под нависшим над ним уступом.

Я в этих местах никогда не был, поэтому смотрел с любопытством и некоторым страхом – мне совсем не хотелось умереть от упавшей сверху каменной глыбы. Здесь это было вполне возможно: множество огромных валунов лежало повсюду, непонятно было, то ли они упали с горы, то ли их принесли потоки воды.

Идти теперь приходилось, лавируя между ними, брусчатка давно кончилась. Мы шли по каменистой почве, с опаской глядя на гору.

Все вокруг казалось мрачным и опасным.

Молот застегнул куртку на груди и поправил рукава рубашки, я последовал его примеру, мы уже не изнывали от жары, а мерзли.

Тропа неожиданно свернула в сторону, дальше путь пролегал по каменной насыпи.

Обойдя огромную каменную глыбу, мы оказались на небольшой площади перед храмом, часть его скрывала скала. Массивное здание выглядело мрачновато, возможно, потому, что солнце прятали черные тучи.

Я оглянулся назад, чтобы убедиться в том, что светило никуда не исчезло, и улыбнулся, увидев родной город, купающийся в солнечных лучах. Отсюда он казался праздничным и нарядным, а не грязным и унылым, каким был на самом деле.

– Дальше никуда не пойдём. – Молот сел на один из валунов, лежащий на площади, вымощенной необработанными камнями. – Подождём...

– Чего будем ждать? – осведомился я, садясь рядом. – Когда дождь закончится?

– Нет, – покачал мой друг головой. – В этот храм не входят без приглашения, ворота закрыты.

– Подойдем, постучим, нам и откроют, мы же здесь, потому что нас, точнее, меня сюда позвали.

– Не суетись ты, – сморщил кислую рожу Молот. – Я делаю так, как здесь принято. Вряд ли стоит раньше времени злить жрецов, успеем еще нарваться на неприятности...

– А ты откуда знаешь, как здесь себя вести?

– Первый год в школе жрецов заставляли запоминать, чем одна религия отличается от другой и что делать, когда заходишь в чужой храм.

– Ладно, поверю, только не забывай, время к вечеру, а нам обратно идти часа три-четыре, и то если в трактиры не заходить.

– За нами уже пришли. – Молот нахмурился, я проследил за его взглядом, и у меня неприятно кольнуло в сердце. В двух шагах от нас стоял невысокий жрец в желтой хламиде до пят, кое-где испачканной свежей грязью, и непонятно было, откуда он взялся – двери храма не открывались. – Сделай милое и доброе лицо, поздоровайся с дяденькой...

– Что угодно молодым людям? – улыбнулся жрец. Улыбка у него была не очень приятной, поскольку зубы у него оказались черными, похоже, что чернил их специально – такое иногда делают воры, чтобы быть меньше заметными в темноте. – Вам нужна помощь нашего бога или вы здесь просто из любопытства?

– И то, и другое, – проворчал Молот. – А еще лучше, если ваш бог просто забудет о нас. – Мой друг тронул меня за плечо. – Отдай жрецу то, из-за чего поднялся весь этот сырбор, и пойдем отсюда.

Я сунул руку в карман и бросил бронзовую пластинку жрецу. Тот ее машинально поймал, взглянул, побледнел и затрясся мелкой дрожью.

– А теперь бежим, – шепнул мой друг и вскочил на ноги.

Я встал и замер, с ужасом глядя на жреца – с ним определенно что-то происходило. Дрожь тела стала крупнее, черные зубы начали выбивать сильнейшую дробь, потом жрец завизжал, как смертельно раненное животное, – тонко, пронзительно и громко. Из рук его, сжимающих пластинку, вырвался свет настолько яркий, что мне пришлось прикрыть глаза рукой, потом все померкло, а потом я взглянул в сторону жреца и увидел, что на том месте, где он только что стоял, теперь валялся только его желтый балахон и сандалии из грубо выделанной кожи.

– Чего это он? – спросил я, растерянно почесав затылок. Мне стало страшно. Жрец просто исчез – то ли сбежал, пользуясь вспышкой света, то ли растворился в воздухе, как демон. Или, мне очень не нравился этот вариант, сторел – такое иногда бывает. Мне рассказывал о подобных случаях отец, их немало происходило в нашем городе, обычный горожанин вдруг вспыхивал ярким огнем и горел так, что его никто потушить не мог, а одежда оставалась целой.

Жрецы говорят о таких случаях, что этот человек прогневал бога, и тот его покарал, но сейчас-то сторел жрец, а он гораздо ближе к богу, чем обычные смертные.

– Ты не видел, куда он убежал?

– Неважно. – Молот схватил меня за руку и потащил с площади. – Что бы здесь ни случилось, лучше оказаться подальше. Когда жрецы найдут своего товарища... или то, что от него осталось...

– Но мы же ничего не делали...

– А какая разница? – Молот подтолкнул меня вперед. – Проблем все равно не избежать. И самое главное – ты им железку отдал? Отдал! Так что наше присутствие больше никому не нужно.

Мы побежали, но тут дорогу пересек вздувшийся от обилия воды поток, шумевший так, что закладывало уши. Было даже удивительно, что за то время, пока мы находились на площади, он стал таким огромным. Переправляться через него было рискованно: мутная

вода тащила с собой огромные валуны – если не утопит, то расшибет голову. Перепрыгнуть тоже стало невозможно, недавний ручей разлился метров на двадцать в ширину, даже было странно, что пару минут назад мы перешли через него, даже не набрав воды в сапоги.

Молот помрачнел, взглянул вверх по течению, потом вниз и тяжело вздохнул. Я проследил за его взглядом и понял, почему он так расстроился: и вверху, и внизу дорогу нам перекрывали огромные скалы, между которыми текли мутные бурные потоки.

Пути дальше не было, пока не кончится дождь или хотя бы не ослабнет.

– Вот теперь все! – Молот сплюнул в мутную пенящуюся воду и сел на мокрый валун. – Не успели!

– Не успели так не успели. – Я сел на соседний камень. – В конце концов, мы того жреца не трогали, даже пальцем к нему не прикоснулись. Чего нам бояться?

– А бояться вообще в этой жизни нечего, если жить долго не собираешься. – Молот орал мне в ухо, иначе не получалось, слишком уж громко шумел ручей. – Странно это все...

– Что?!

– А то, что не мог ручей так быстро подняться, чтобы перекрыть нам дорогу. Здесь без магии не обошлось, а значит, скоро за нами придут жрецы и отведут в храм.

– И что будет дальше?

– Я же не пророк, чтобы знать будущее, но явно ничего хорошего. – Мой друг раздраженно пожал плечами. – Ты же не думаешь, что нас наградят золотом за наши труды?

Словно подтверждая его слова, из-за скалы вышел еще один жрец, он был выше и старше того, что скрылся. Говорить ничего не стал, просто показал рукой на тропинку, ведущую к храму, и укоризненно покачал головой.

Молот встал и пошел за ним, я следом, раздумывая над его словами, и пришел к тому же выводу – ничего хорошего нас не ждет. И если у жрецов такая сила, что их все боятся, то о том, что случилось с нами, никто даже узнавать не станет. Только мой отец будет переживать. Но и он искать меня не будет, просто сходит к знакомому провидцу, и тот ему расскажет о последних минутах моей жизни.

Не уверен, что ему удастся выдержать этот удар жизни – может и умереть, сердце у него последнее время болит часто.

Мы вышли на площадь и подошли к тому месту, где разговаривали с первым посланцем. Там стояли два жреца и озабоченно разглядывали серый пепел под балахоном.

Один из них тронул одежду, и из нее выпала бронзовая пластинка, с которой все и началось. Увидев ее, оба жреца испуганно попятились назад. Потом один из них – высокий худой старик с седой гривой волос и такой же бородой – свирепо посмотрел на меня:

– Зачем ты дал ему каик?

– Какой каик? – пожал я плечами. – Если разговор идет вот об этом куске бронзы, то разве вы не хотели, чтобы я его сюда принес?

– Хотели...

– Вот я принес и отдал. Надеюсь, больше ничего вам не должен? – Я посмотрел на друга и поправил рукава. Он знал, что у меня там ножи, и должен был правильно меня понять, но Молот в ответ отрицательно покачал головой, взглядом показав на того жреца, что привел нас сюда.

Тот стоял немного в стороне, наблюдая за нами, а в его руках крутилась небольшая палочка – гладко оструганная, чуть темная от потных рук. Я недоуменно пожал плечами, но решил поверить другу – в трусости его обвинить нельзя.

– Мы исполнили все, чего вы от нас ждали, поэтому разрешите нам уйти...

– Что? – нахмурился жрец постарше, с седой бородой, и продолжил что-то обдумывать. Сверху на него капала вода, оставляя темные пятна на его балахоне. В какой-то момент ему

это надоело, он поднял взгляд на жреца с палочкой и недовольно покачал головой. – Да убери ты этот дождь! Он уже сделал свое дело и больше не нужен...

Вот тогда я в очередной раз оценил прозорливость и сообразительность Молота. Сразу после этих слов жрец вскинул свою палку тупым концом вверх, тут же тучи стали рассеиваться, превращаясь из темного, обложившего гору кольца в светлые, легкие хлопья облачков, которые быстро унес ветер.

Выглянуло солнце, и мгновенно все вокруг заволочило испарениями воды, они поднимались от грубо отесанных камней площади и каменистой почвы, а также от нашей одежды и волос. Светило в этом году было жарким как никогда, старожилы не помнили такого душевного лета.

Все произошло почти мгновенно – только что стояла дождевая хмарь, и вот сияет солнце, слепя бликами луж.

– Здесь жарко, – пробурчал старик. – Поговорим в храме, там тихо, спокойно, и нам никто не помешает.

Мы переглянулись с другом, тот скорчил такую гримасу, что мне сразу стало ясно – лучше подчиниться. Я сделал шаг к храму, но старший жрец покачал головой:

– Вернись и возьми каик.

– А разве я его принес не для вас?

– Не спорь, возьми и неси перед собой. – Жрец с магическим жезлом ткнул меня под лопатку. Меня словно пробило молнией, от неожиданной боли даже язык прикусил. Мне это не понравилось, для себя решил, что разберусь со жрецом позже. – Иначе я тебя тоже превращу в пепел, как ты моего товарища.

– Я его не трогал...

– Я видел каждый твой шаг в этот день, так что можешь не врать.

– И каким же образом ты видел?

– Мой бог дал мне такую возможность. – Жрец ухмыльнулся, и я понял, что без магии и здесь не обошлось; стало понятно, кто за мной следил весь день. – Я видел, как ты бросил ему каик, когда он подошел к вам, чтобы проводить в храм.

– Я думал, что этим избавлюсь от посещения вашего богоугодного заведения.

– Ты ошибался, – жрец еще раз ткнул меня в спину, боли, правда, на этот раз не возникло. – Вперед!

Я покосился на друга, тот грустно усмехнулся и пошел к распахнутым дверям храма. Первым шел старый жрец, затем второй, помогая и поддерживая старика, когда приходилось перешагивать через небольшие камни, потом Молот и я, а замыкал шествие жрец с магическим жезлом.

В храме царил полумрак, только в глубине у алтаря светилась масляная лампа, а до него было не меньше сотни метров – таким огромным оказался зал. Я подумал о том, что большая часть храма уходит в скалу, и оказался прав – когда подошел к масляному светильнику, то увидел – вокруг скала.

Мы прошли мимо алтаря, свернули направо в темноту, где оказался небольшой проход, ведущий во внутренние помещения. Жрецы шли спокойно и уверенно, видимо, им был знаком здесь каждый метр, а вот нам приходилось нелегко. Не могу сказать, что теряюсь в темноте, мое зрение быстро привыкает, но и ему нужно хоть немного света.

Мы спотыкались, поддерживали друг друга и снова запинаясь до тех пор, пока старик не зажег небольшую лампу – тогда увидели, что стоим посередине огромного помещения, стены которого терялись во мраке.

Пожалуй, оно было не меньше того зала, где находился алтарь.

Подойдя к стене, старик открыл темную дубовую дверь, и мы вошли в комнату поменьше, которую хорошо освещал огонь, горевший в очаге, только дальняя стена терялась в темноте.

Вокруг очага стояли кресла, в одно сел с тяжелым стоном старик, в другое тот, кто его сопровождал и поддерживал, а нам пришлось стоять, как и магу, который находился за нашими спинами, чтобы мы не сбежали.

Стены словно грозились упасть на меня, тяжело было здесь и как-то неправильно.

Старик протянул руку к огню, стал греть озябшие пальцы и произнес:

– Тебя зовут Юрий, ты родился в этом городе, твой отец уважаемый среди магов и жрецов человек...

Я пожал плечами, это было правдой, ее не стоило ни опровергать, ни дополнять, да и меня никто об этом не просил.

– Иногда тебя зовут Шрамом из-за отметины на твоей левой щеке, ты ее получил в детстве, когда подрался – мальчишка был старше и опытнее тебя, но ты сумел его разозлить, тебе повезло, что он тебя не убил...

– Повезло? В этой драке победил я, а нож достался мне как трофеем.

– Если бы он тебя убил, ты сейчас не стоял бы передо мною, думая о том, как сбежать. Не советую даже пробовать. Мы прошли в темноте по лабиринту, который невозможно преодолеть, так что стой спокойно. Рядом с тобой твой друг, которого прозвали Молотом за огромную силу и большой кулак...

Молот почтительно поклонился согбенной спине, старик даже не повернул в ответ голову, продолжая глядеть, как танцуют в огне огненные ящерицы.

– Так получилось, Юрий, что вчера вечером ты оказался свидетелем нападения бандитов на нашего гонца...

– Уже жалею об этом...

– И это правильно, – усмехнулся старик, покосившись на меня. – Ты сделал доброе дело, но кто сказал, что добро награждают добром?

– Действительно, никто, – вздохнул я.

Мог бы не говорить, а молчать, от этого бы ничего не изменилось, меня по-прежнему никто ни о чем не спрашивал, но я поддерживал эту видимость диалога только потому, что мне было страшно. Что-то пряталось там, в темноте, мне казалось, что слышу пряный запах огромной змеи или даже нескольких.

– Обычно в таких случаях я всегда прохожу мимо, но в этот раз не получилось...

– Ты оказался замешан в наши дела, а сейчас вот еще и своего друга привел – теперь вам придется обоим выполнить наше поручение.

– Мы об этом не договаривались. – Я заговорил быстро и сбивчиво, понимая, что все уже решено и меня никто не слушает. – Просили вернуть ваш каик, или как там называют вашу бронзу, так она здесь. Я не брал эту пластинку у вашего гонца, ее сунул мне в руку грабитель перед тем как умереть.

– Это правда, – кивнул с улыбкой старик. – Так все и было, да только все равно не стоило тебе брать...

– Я и не хотел, он силой засунул...

– Если бы все зависело от наших хотений, этот мир был бы похож на сады верхнего мира, и всем жилось в нем прекрасно.

– Не понимаю, о чем вы...

– Ты же видел, что случилось с нашим жрецом?

– Да, он исчез.

– Не исчез, а сгорел в магическом пламени, а сжег его каик. Не знаешь почему?

– Нет.

– Ты оживил его, привел в действие, сам не понимая того. Тысячу лет каик лежал всеми забытый на далеком безлюдном острове, мы нашли его, используя тайную магию, и отправили за ним гонца. Тот привез его сюда и уже собрался передать нам, но на него напали. Вряд ли ему удалось бы отбиться, но появился ты и спас гонца и каик от наших врагов и... сделал большую ошибку...

– Я ничего не сделал.

– Когда этот драгоценный предмет, преодолев тысячи верст, оказался на нашем берегу, он тем самым открыл тайную волю нашего бога.

– Не понимаю, о чем вы говорите...

– Если уж совсем просто, – старик с усмешкой взглянул на меня, – прошел бы ты мимо грабителей, и все было бы хорошо.

– Для всех, кроме гонца, – поправил его я. – Он бы умер.

– Для всех лучше, в том числе и для гонца.

Старик вздохнул и кивнул магу, что стоял за нашей спиной. Тот высунул из-за моего плеча жезл, и комната осветилась ярким слепящим светом. В нем я увидел у дальней стены огромный стол, похожий на жертвенный камень – на нем имелись желобки для стекания крови и металлические кольца, к которым привязывалась жертва.

Сейчас там лежал мертвый человек с вскрытой грудиной.

– Узнаешь?

– Да. Именно на этого человека вчера напали, но теперь его трудно узнать, лицо стало серым, нос заострился. Думаю, он мертв...

– Ты прав, и теперь ему никогда не добраться до верхнего мира, дорога для него закрыта, и виноват в этом ты.

– И чем же?

– В том, что ты есть, – пробормотал старый жрец. – В том, что шел мимо и оказался не в том месте и не в то время – в результате к тебе пришла беда, а у нас появилась надежда.

– В чем дело?! – У меня вдруг появилось ощущение, что встреча закончится для меня и Молота этим жертвенным столом, на котором будут остывать наши тела, лишённые сердец. – Что мною сделано не так?

– Не о том спрашиваешь. – Жрец снова протянул руки к огню. – И дело не в том, что сделал, а в том, какой ты...

– И какой?

– Мы искали тебя много лет. Разыскивали повсюду, во всех королевствах, где находятся наши храмы, и никому даже в голову не пришло, что ты можешь жить рядом с нами, в этом мелком, загаженном нечистотами городе. А когда нашли тебя, это не принесло нам радости, наоборот, напугало и расстроило.

– Чем?

– Тем, что каик в твоих руках ожил и начал убивать.

– Я не виноват...

– Виноват ли волк, когда режет овцу, потому что ему хочется есть? Нет. Так и ты ни в чем не виноват, и в то же время от вины тебе никуда не деться.

– И что со мной теперь будет? – Я тихонько проверил ножи и взглянул на Молота, тот угрюмо кивнул, одновременно положив руку на дубинку. – Домой, как я понимаю, вы меня уже не отпустите?

– А вот это правильный вопрос. Дело в том, что у тебя не весь каик, а только половина. Мы хотели бы сначала собрать его целиком и только потом оживить, но теперь придется менять планы.

– И что вы придумали?

– Вытащи каик из кармана и положи его на жертвенный стол, там для него есть углубление.

Я послушно исполнил. В камне оказался выбит небольшой круг, и старая бронзовая пластина ложилась в него так, словно была для этого предназначена. Вблизи тело гонца производило еще более страшное впечатление, видны были разрезы, через которые у него сначала выкачали всю кровь.

– Видишь, как каик хорошо встал? – Старик даже не повернул голову, чтобы посмотреть на то, что я сделал, так и смотрел в огонь, протянув вперед руки. – Когда-то это углубление было сделано специально, чтобы его здесь прятать. А теперь немного поверни его, он должен попасть в паз...

Я повернул пластинку в круге, и она словно застряла, дальше не двигалась, как я ее ни дергал, и даже хуже, стала нагреваться, от нее пошел яркий свет, который осветил всю комнату не хуже магического жезла.

Тело гонца немного дернулось, словно стало оживать. Я испуганно отскочил назад, остальные даже не шевельнулись.

– Вот теперь вместе с этой частью ожила и другая половина, которая находится чрезвычайно далеко отсюда. – Старик вздохнул. – Мы могли бы послать гонцов за нею, но, после того как ты оживил вторую половину, никто не сможет взять каик в руки.

– Но вы же сами заставили меня это сделать!

– Только для того, чтобы больше никто не смог нам помешать. Те, кто пытался захватить одну половину, захотят забрать и вторую.

– Но я тут при чем?

– Как же ты глуп. – Старик печально покачал головой. – Может, в этом и есть главная причина того, что мы не смогли тебя найти? Искали человека, способного к магии и волшебству, и никому даже в голову не пришло искать мальчишку со шрамом на щеке, не очень умного и абсолютно не верящего в чудеса. Возможно, если бы мы поняли это раньше, то гонец остался жив...

– Мне плевать на ваши проблемы и на оскорбления тоже, – произнес я мрачно, положив руку на руку, тем самым ухватившись за рукоятки ножей и готовясь пробиваться к выходу и убивать. Молот тоже положил руку на куртку, под которой висела в петлях его дубинка. – Я выполнил все, что вы хотели, принес вам эту старую, никому не нужную пластинку, и теперь мы уходим.

– Можешь попробовать, – пожал плечами старик. – Боюсь, ты так и не услышал моего рассказа о лабиринте, но, поплутав под горой, поймешь, что находишься в нашей власти. Маг, отпусти их, пусть идут, куда хотят.

Жрец, стоявший у нас за спиной, отступил в сторону, и сделал это вовремя: именно ему я собирался перерезать горло первому – чародей он или нет, меня не волновало, колдуны так же смертны, как и обычные люди.

Я открыл дверь и вышел, Молот шел за мной, не отставая. Выходя из комнаты, он догадался захватить с собой факел, который снял со стены. Когда он его зажег, мы увидели, что в темноту уходит длинный узкий коридор.

Мы двинулись по нему, шагов через двадцать он закончился, раздвоившись на абсолютно одинаковые рукава.

– Правый, левый? – спросил я. – Какой выбираем?

Мой друг присел, разглядывая каменный пол.

– По правому больше ходили, видишь небольшие выбоины и песок с улицы?

– Вижу. – Я присел рядом и рассмотрел серый песок, который мог здесь оказаться только с улицы. У меня сразу стало спокойнее на душе, я поверил в то, что из этого лабиринта можно выбраться. Жрецы ошибались, Молот неглуп и наблюдателен и найдет выход. Мы

свернули в правый проход, который привел нас к следующей развилке, там выбрали левый проход по тем же признакам.

Так и шли, нисколько не сомневаясь, что выход найдем быстро, но время проходило, а мы по-прежнему блуждали под горой. В какой-то момент мне показалось, что идем вниз – нам стали часто встречаться стены, по которым сочилась влага. Вода оказалась пресной, неплохой на вкус, мы еще больше приободрились.

Каждый коридор в этом лабиринте заканчивался развилкой, и везде, если приглядеться, можно было найти песок и следы ног. Возможно, мы шли по кругу или уходили вниз в глубину земли, на стенах уже не было видно следов обработки.

Мы незаметно перешли из храма в пещеру...

Наконец перед очередной развилкой Молот остановился:

– Я не знаю, куда идти дальше, мне кажется, мы заблудились.

– Ладно, – кивнул я. – Что ж, попробовали, не получилось, пошли обратно.

– Ты не понял, – вздохнул мой друг. – Я не знаю, как нам вернуться в ту комнату, где остались жрецы.

– Так же, как шли... по своим следам.

– На камне не остается следов, – покачал головой Молот. – Мы не найдем ни выхода, ни комнаты, в которой с нами разговаривали.

– Ну хотя бы попробуем, – пожал я плечами. – Все равно ничего другого не остается.

– Почему? Можем продолжать идти дальше – доберемся либо до тупика, либо до выхода.

– Или до центра земли. Ты забываешь кое о чем.

– О чем?

– Факел скоро погаснет, и мы окажемся в темноте.

Действительно, огонь уже заметно ослаб. Не знаю, что было залито в бронзовую чашу, вероятнее всего, масло – оно хоть и горело медленно, но все равно его не осталось, да и фитиль почти прогорел.

– Об этом я не подумал. – Молот обогнал меня на следующей развилке и пошел впереди. Это мне в нем тоже нравилось – в трудном положении, в которое мы с ним частенько попадали по моей вине, он никогда не ныл. Надежный парень, с таким даже в этом жутком лабиринте не страшно.

Мы успели пройти еще две развилки, а потом факел погас. Хоть мы этого и ждали, все равно крошечная темнота оказалась для нас неприятным сюрпризом: одно дело идти и выбирать, видя, что делаешь, и совсем другое – двигаться в темноте.

Не сговариваясь, мы остановились и сели так, чтобы плечами касаться друг друга.

– Неужели так и сдохнем здесь?

– А что, неплохая смерть... – Я услышал, как Молот вытянул ноги. – Тихо, тепло, никто не мешает.

– А жить все равно хочется...

– Хочется, только, думаю, мы здесь не умрем...

– С чего ты так решил? – Нет, с моим другом не страшно, он явно все обдумал и нашел какое-то решение. – Неужели что-то придумал?

– Не придумал, просто слышал твой разговор со жрецом. Ты им очень нужен, чтобы собрать обе бронзовые пластинки, поэтому скоро кто-нибудь за нами придет.

– Может, найдут кого другого, кто сможет собрать...

– Старик сказал, что никто другой не сможет в руки взять каик, а если попробует, то с ним произойдет то же, что и со жрецом на площади, – сгорит.

Кстати, зрелище мне показалось забавным, никогда не думал, что человек так может гореть. От него даже обугленных костей не осталось, а одежда и сандалии целые.

– Наверно, ты прав, только как они найдут нас в этом лабиринте?

– Найдут, я в этом уверен, если бы рассуждал иначе, то с тобой бы не пошел.

– Не понимаю...

– Да просто все. – Молот опустил еще ниже, видимо собираясь поспать. Мысль мне эта нравилась, у самого ноги гудели, все-таки весь день ходили, да и есть уже хотелось, а во сне будет не так голодно. – Жрецы знали об этом лабиринте, но все-таки нас отпустили, это говорит о том, что им известно, как нас найти.

– И как?

– Должно быть, у них собаки есть, и они пустят их по нашему следу... – Я услышал в темноте протяжный зевок. – А может, воспользуются магией, что вероятнее всего. И вообще, не мешай. Утро вечера мудренее – так мне отец говорил.

– А что будет, когда они нас найдут?

– Вот об этом и думай, если спать не хочешь. – Мой друг вздохнул и тихо добавил: – Я немного понял, но одно ясно: они от тебя не отстанут, пока ты им не соберешь этот каик. А как они тебя заставят это сделать – вопрос еще тот. В мире магии и богов есть многое, что пугает любого, даже самого смелого человека, поэтому, пока с тобой ничего не произошло, ложись и спи.

Я лег на камни, смежил веки и только сейчас понял, что шел в темноте с открытыми глазами – смешная привычка, ведь все равно ничего не видно.

А как только закрыл глаза, почти сразу увидел гонца – того самого, которому помог спастись от грабителей, чем отправил его на жертвенный стол. Курьеры – народ ловкий и смелый, сражаться умеют не хуже воинов, а вот со жрецами справиться ему не удалось.

Но удивляло не это, а то, что жрецы решились его убить. Гонцы – каста закрытая, туда трудно попасть, но, если попадаешь, можешь рассчитывать, что в любой стране, кто бы ни покусился на твою жизнь, тот в скором времени окажется мертвым – за тебя придут и отомстят.

На этом и выстроена вся работа гильдии гонцов. Если б не это, их бы убивали повсюду, потому что они часто везут не только секреты, но и такие ценности, которые нельзя поручить вооруженной охране.

Жрецы Килия убили гонца, что говорило либо об их бесстрашии, либо о безнадежной глупости, потому что самое большее через неделю наш городок наводнят тихие, незаметные люди с оружием и всех их перебьют.

– А за гонца им придется ответить, – тихо пробормотал я. – Так что стоит немного подождать, и все проблемы разрешатся сами собой.

– Не ответят, – отозвался из темноты Молот, похоже, он, как и я, не спал, а раздумывал над тем, что произошло. – На это не стоит надеяться...

– Почему?

– Я же сказал. Киль – бог-странник, значит, защищает и оберегает всех путников. А кто такие гонцы? То-то и оно, что самые настоящие странники и поклоняются этому богу. Как ты думаешь, что из этого следует?

– Не знаю...

– Никто не нападет на храм и не станет убивать жрецов. Гонцы смирятся с тем, что одного из них убили.

– Но почему жрецы все-таки это сделали?

– Есть у меня одна мысль. – Мой друг заворочался. – Я слышал о таких жертвах.

– Жертвах?

– Конечно, гонца принесли в жертву богу Килию, а это могло произойти только в одном случае.

– В каком?

– Когда гонец присваивает себе то, что везет, или в результате его недосмотра посылка потеряла свои свойства. Бронзовая пластинка изменилась? Изменилась... Да настолько, что стала убивать жрецов – так что его принесли в жертву по закону. И тут у меня возникает еще одна неприятная мысль...

– Какая?

– Жрецы не имеют права решать, кто может быть принесен в жертву, такое право дано только заказчику, получается, что каик нужен не жрецам, а кому-то еще.

– Глупость какая-то, – пробурчал я. – Этак скоро, по твоим словам, весь город будет желать моей смерти.

– Это еще почему? – поинтересовался Молот. – Не пойму...

– А кто испортил посылку? Кого отправляют за другой половиной?

– Да, – вздохнул Молот. – Давай лучше поспим, а то еще до чего-нибудь неприятного додумаемся.

Спать было неудобно – не то чтобы я привык к мягким перинам и теплым одеялам, совсем нет, сплю везде, где получается, и ночевки на сырой земле для меня не редкость, но тут уснуть не смог. Сначала долго не мог понять, что мне мешает, потом догадался – тишина. Здесь было так тихо, как никогда не бывает в городе. И эта тишина давила, заставляла усиленно вздыхать или ворочаться.

А еще в этой темноте казалось, что кто-то подкрадывается к тебе, следит, причем никого рядом не было. Я сразу понял: за нами наблюдают при помощи магии.

Это немного утешило, жрецы знают, где находимся, а значит, скоро придут и мы не умрем в этой жуткой пещере.

Не лучшее это место для смерти, умирать хорошо в лесу под голубым прозрачным небом с белыми хлопьями облаков, чтобы светило ярко-желтое солнце, кричали птицы и запахи зелени сплетались с твоим предсмертным дыханием.

С этими мыслями я и заснул, точнее, провалился в жуткую темную пропасть, на дне которой меня ждало что-то отвратительно скользкое и омерзительное. Спал недолго, показалось – всего пару минут.

– Слышишь? – тронул меня за плечо Молот.

Я прислушался, действительно, что-то двигалось там в темноте с тихим скрежещущим звуком, но это были не шаги, скорее шелест чешуек, который звучит при движении змеи.

Я потянулся к ножам и только тогда понял, что уже держу один в правой руке, когда вытащил и сам не заметил.

– Что это?

– Какой-то гад ползучий, если судить по звуку, – Мой друг вытащил дубинку и встал рядом. – Смотри, да не вперед, а назад.

Я оглянулся, стены хода заиграли светло-зелеными бликами, а потом оттуда вылезло нечто странное, походившее больше всего на гусеницу, именно ее жесткие волосики на брюхе издавали скребущий звук, соприкасаясь с камнем.

Мы замерли, не зная, что делать, гусеница занимала весь проход до потолка, у меня даже мелькнула мысль, что все эти ходы пробиты именно ею. Огромные фасеточные глаза уставились на нас, а костяные жвала угрожающе защелкали. А еще запах, жуткий, неприятный, словно миллиард змей собрали в одном месте.

Когда он ударил мне в нос, я зажмурился от отвращения и побежал, толкнув Молота перед собой. Не люблю змей и боюсь.

И как мы бежали!

Никогда до этого не бегал в беспросветном мраке по узким каменным коридорам и не хочу пробовать еще раз. Мы стучались о стены, спотыкались друг об друга и неровности

камней, разбивали себе головы, и искры, вылетающие из глаз, служили единственным и не очень-то помогающим что-либо увидеть светом.

Если бы не дикий ужас, проснувшийся в нас, давно бы упали, обливаясь кровью. Но бежали дальше, слушая за спиной скребущий звук и мягкое чмоканье, которое, на мой взгляд, еще отвратительнее, чем шелест.

Мой друг оказывался то спереди, то пропал, потом обнаруживался сзади, и было непонятно, как ему удавалось при его комплекции обогнать меня в узком проходе.

Вряд ли бег продолжался долго, страх крадет много сил – обессиленные и изможденные, мы упали, в очередной раз столкнувшись, и больше не сумели подняться.

Лежали, настороженно вслушиваясь в тишину, умиряя хриплое, рвущееся из груди дыхание, но ничего не слышали, кроме далекого капанья воды. На этот звук и поползли и долго лизали сочащуюся из камней влагу и никак не могли напиться. Прошла, наверно, целая вечность, прежде чем я смог задать глупый вопрос:

– Где мы?

– Там же, где и были. – Голос Молота звучал хрипло и устало. – В подземелье под храмом. Надеюсь, за нами скоро придут. Не знаю, как ты, но я уже готов согласиться на любое предложение жрецов, лишь бы выйти отсюда. Хочу увидеть солнце и небо, не желаю умирать здесь.

– А здесь почему не нравится?

– Как только подумаю, что меня сожрет гнусная тварь, которая ползает по этим коридорам, внутри все переворачивается.

– Тогда я, пожалуй, тоже поживу... – И сам горько усмехнулся своим словам. Как же странно устроен человек – не так давно были готовы убивать жрецов, а теперь с нетерпением ждем их прихода, как лучших друзей.

– Только мы уже и сами не знаем, где находимся – то ли убежали еще глубже, то ли поднялись к поверхности. Как нас найдут?

Произнеся эту фразу, я вновь почувствовал на себе взгляд, казалось, что прямо над нами во мраке висит чей-то чуткий глаз, внимательно наблюдающий за каждым нашим движением, и вязкая гулкая темнота, заполняющая эти бесконечные коридоры лабиринта, нисколько ему не мешает.

– Придут. – Мой друг понемногу успокоился, голос потерял хрипотцу и зазвучал почти нормально. – Ты им нужен, иначе они не устроили бы нам такое испытание.

– Думаешь, это было сделано специально? – Я продолжал настороженно вслушиваться в тишину, совсем не хотелось, чтобы жуткий червь подобрался к нам незаметно. Иногда слышал что-то иное, кроме капанья воды, странное шуршание и скрежет, но эти звуки не приближались к нам, а оставались вдалеке...

– Конечно, у жрецов имелась тысяча способов помешать нам, не забывай, у них есть самый настоящий маг, который своим жезлом мог легко обвалить половину горы, а он отошел в сторону, давая нам возможность убедиться в том, как мы глупы и слабы. Слышишь?

Я прислушался и скоро услышал чьи-то шаркающие, определенно человеческие шаги. Потом за поворотом появился свет, сначала слабый, неровный, качающийся, но он становился все сильнее.

В этом свете я увидел Молота и почувствовал ему – руки и лицо у него были в крови, сам бледный, а зрачки расширенные – впрочем, наверно, и сам я выглядел не лучше, потому что друг ободряюще потрепал меня по плечу:

– Ничего, все уже закончилось.

Это прикосновение подняло мне настроение. Свет остановился за поворотом, и оттуда раздался глубокий мужской голос:

– Если выйду, не наброситесь на меня, юноши? Не хотелось бы делать вам больно, да и верховный жрец просил доставить вас без физических повреждений.

Мы с Молотом переглянулись, я криво усмехнулся и пожал плечами.

– Выходи, не тронем, – крикнул друг. – Кто ты?

Свет появился перед нами, и за ним ничего не было видно. Только когда человек поставил фонарь на землю, нам удалось его разглядеть. Это был огромный мужчина, на полторы головы выше нас. В проходе он стоял согнувшись, да и широкие плечи почти касались стены, а вперед выдавалась бочкообразная грудь.

Про таких людей говорят, что силы они невероятной, могут даже лошадь поднять. Обычно работают кузнецами, молотобойцами или старателями на серебряном руднике, но этот был одет в балахон жреца.

Осмотрев его, я решил, что драться с таким себе дороже, похоже, что и Молот пришел к такому же выводу, потому что, взглянув мне в глаза, отрицательно покачал головой.

– Идите за мной, – проговорил мужчина, и его густой мощный голос заметался в проходе, отражаясь эхом от каменных стен. – Я отведу вас туда, откуда вы сбежали.

Мы покорились, правда, повел он нас не туда, откуда пришел, а на скрипучие звуки, издаваемые червем.

– Там в темноте прячется что-то невероятно страшное, – заметил я. – И эта мерзость опасна...

– Червь-то? – Человек продолжал идти вперед, пряча где-то под мышкой свой фонарь, света от него было немного, но после непроглядного мрака нам и этого вполне хватало. – Он безобиден, если его не раздражать, но, когда рассердится, лучше близко не подходить. Правда, боится воды, поэтому остудить его гнев довольно легко.

– Не хотелось бы его еще раз увидеть.

– Вы его и не увидите, – усмехнулся мужчина. – Сейчас найдем проход, который он проделал, по нему и пойдем – это самый короткий путь из лабиринта.

Мужчина свернул в сторону, казалось, прямо в стену. Мы увидели небольшой проход, гораздо уже и ниже других, скрытый за скалистым выступом. По нему пошли вверх. Похоже, червь сделал этот проход совсем недавно, стены были еще влажными, и от них исходил густой змеиный запах, настолько отвратительный, что временами меня мучило.

Шли мы довольно быстро и вскоре, свернув в еще один проход, на этот раз широкий и высокий, подошли к массивной двери. Здесь верзила остановился.

– Идите внутрь, вас там ждут. Будьте благоразумны, не пытайтесь убежать или сделать плохо тому, кто там находится. Знаю, у вас есть оружие, которое вы спрячете под одеждой. Если попытаетесь напасть, то придется еще разок погулять по лабиринту, пока не остынете, и на этот раз я не буду спешить вас вызвolyать. К тому же... – Мужчина почесал свою густую шевелюру с редкими седыми прядками. – Если честно, то я и сам боюсь тех, с кем вам придется говорить...

– Кого? – Меня подтолкнули в спину, и я влетел в открытую дверь; передо мной открылся небольшой зал, перегороденный золотистой ширмой, свет исходил из-за нее, а здесь внутри ничего не было видно. – Что это значит?

– Ширму не отодвигать, – предостерег меня жрец из-за спины. – Рядом с ней стоят кресла, они предназначены для вас, если попытаете пройти дальше, то будете сурово наказаны, за этим сам прослежу.

Я сел в ближайшее кресло, рядом со мной устроился Молот. Дверь сзади захлопнулась. Какое-то время ничего не происходило, потом занавес заколыхался от сквозняка, словно с другой стороны открылась дверь. Мы могли видеть только тени, а они были странными, уродливыми...

Два существа – одно высокое, мощное, на двух ногах, явно с клыками и когтями на узкой костлявой руке, другое маленькое, больше всего похожее на карлика, только очертания его фигуры постоянно менялись, расплывались, – вошли и встали у занавеса. Готов поклясться, что они нас видели сквозь эту довольно плотную ткань, в то время как мы только догадывались, кто перед нами, дорисовывая и придумывая все новые и новые детали.

– Ты оживил каик! – Высокая фигура показала на меня острым и длинным когтем. Голос был гортанным, и мне показалось, что он не может принадлежать человеку. – Это хорошо, но преждевременно, мы не успели подготовиться, а значит, тебе придется это исправлять.

– Я ни в чем не виноват и хочу вернуться домой. Мне не нравится то, что здесь происходит. Отпустите меня...

– Нам неинтересно, что ты думаешь и желаешь, – произнес карлик шелестящим голосом, это было похоже на то, как ветерок пролетает над травой, а потом теряется в листве. – Тысячу лет мы искали каик, пришлось обойти множество королевств, пролистать множество свитков в поисках, и вот когда нашли, появился ты и все испортил.

– Я ничего не портил...

Меня никто не слушал.

– Оживив половину каика, ты сделал так, что теперь никто не может собрать его, кроме тебя. Если бы от этого не зависела судьба нашего народа, мы подождали бы, пока каик снова заснет, и продолжили бы все сначала, но у нас нет этого времени, а это значит, что ты поедешь в королевство Грига и привезешь оттуда вторую половину. Отправишься завтра. Нам все равно, поедешь ты один или со своим другом, важен только результат.

– Для того чтобы заставить меня покинуть родной город, нужно много золота. – Во мне проснулась торгашеская жилка. Я подумал – если меня заставляют куда-то ехать, то надо хотя бы попытаться сделать так, чтобы приключение стало не бесплатным. – До королевства Грига путь неблизкий и опасный, и только деньги могут помочь сделать его короче.

– Ты получишь столько золота, сколько сможешь унести; если пожелаешь драгоценных камней, то получишь и их, это неважно. На дорогу деньги мы тебе дадим. Поедешь на тех же условиях, что и любой гонец: привезешь – получишь награду, не привезешь – умрешь.

Я задумался:

– Меня это не устраивает, предпочитаю более безопасные занятия.

– У тебя нет выбора – либо едешь и получаешь после выполнения все, что захочешь, либо тебя свяжут и отвезут на место. Но сначала потеряешь всех родных и друзей, тебя лишат возможности продолжения рода, а также ног, чтобы не смог убежать. Нам нужны твои руки, которыми ты смог бы взять каик, – все остальное неважно...

– Это меня тоже не устраивает. – Я представил все обещанное, и мне на мгновение стало дурно, тем более что карлик перечислял угрозы сухо, спокойно, как давно обдуманное решение...

Эти существа хотели, чтобы я выполнил определенное задание, и они не собирались со мной договариваться – просто предлагали сделать выбор между плохим и очень плохим, но разве не такой вопрос всегда стоит перед нами в жизни? – Пожалуй, первый вариант мне показался лучше.

– Остальное узнаешь у жрецов, тебя к ним проводят. Золото на дорогу лежит у ваших ног – мы знали, что ты о нем заговоришь. – Существа удалились, снова заколыхался от сквозняка занавес, и все стихло.

– Что думаешь? – Я повернулся к Молоту, подождав, пока за занавесом закроется дверь. – Тебе не кажется, что я только что сделал очередную глупость?

– По-другому поступить ты все равно не мог. – Друг пошарил под креслом и вытащил оттуда довольно объемистый и тяжелый мешок с золотом, точно такой же нашелся и у меня под сиденьем. – Платят по крайней мере нам по-королевски.

– Ты сказал «нам»? – Я улыбнулся. – Значит, поедешь со мной?

– А у меня тоже выбора нет, – ухмыльнулся Молот, высыпая золотые монеты себе на ладонь. Он попробовал одну из них на зуб, кивнул, показывая, что с золотом все в порядке. – Не могу упустить такой шанс. Здесь золота хватит на то, чтобы прожить жизнь до конца, ни в чем не нуждаясь, а если за выполнение поручения дадут еще больше – неужели откажусь? Сам подумай, если бы тебе сделали такое предложение, ты бы отказался?

– Отказался бы. Мертвому богатство ни к чему. Мне отец не раз говорил: большие деньги предлагают обычно тогда, когда не собираются платить.

– Но ты же еще живой? – Молот пересыпал часть монет себе в карман, а потом, подумав, и оставшееся золото рассовал по карманам. – К тому же тебе уже заплатили. Еще час назад у нас не было даже надежды на то, что выживем, а сейчас уже неплохо себя чувствуем, и у нас есть деньги. Чего ты боишься?

– Не нравится мне эта история...

– Плевать! – фыркнул мой друг. – Не сомневаюсь в том, что ты бы согласился за такие деньги отправиться в королевство Грига, если бы такое предложили менее болезненным способом...

– Ты прав. – Я пожал плечами. – Но тогда выбор был бы за мной...

– Выбор делает судьба, а мы лишь сокрушенно разводим руками, плача и негодуя. – Молот цитировал священные книги. – Человек слаб и всегда недоволен своей судьбой.

– Тут ты прав.

Я взял в руки мешочек с золотыми монетами и спрятал его за поясом, настороженно ожидая того, что произойдет дальше. В конце концов, все уже произошло, остается только принять случившееся. К тому же я не один, а с Молотом можно отправляться в любую, даже самую дальнюю, поездку. И он прав, мы с ним не раз мечтали о таком путешествии...

Дверь открылась, в комнату вошли старый жрец, с которым мы уже разговаривали, и маг со своим жезлом-палкой.

– И стоило убежать? – Старик чуть слышно хихикнул, разглядывая наши разбитые физиономии и руки. – Понравился наш червь?

Я промолчал. Молот тоже.

– Я не советую вам болтать о том, что произошло. – Тон старого жреца стал строгим. – Иначе мы накормим нашего питомца вашими трупами.

Тут тоже спорить было не о чем.

– Теперь о том, что вам предстоит. Задаток вы получили. Деньги вам нужны на дорогу до королевства Грига. Какой именно путь вы выберете, нас не волнует, это ваше дело. Но договор вы уже заключили – договор гонца. Поверьте, он занесен в списки гильдии.

– Как?

– Магическим путем, – усмехнулся старик. – Стандартный договор гонца – ты должен доставить сюда часть каика, а мы должны за это заплатить. Теперь о том, где находится вторая половина. В королевстве Грига есть наш храм, туда и отправитесь. Жрец будет знать о вашем приходе. Это все. Можете идти.

Я встал. Молот тоже. Тут маг больно толкнул меня в грудь жезлом.

– Я буду следить за вами, поэтому если решите, что сможете просто присвоить полученное золото и где-то спрятаться, то сразу говорю – у вас ничего не получится. Да, забыл предупредить. – Старик злорадно хихикнул. – Каик нужен не только нам, есть еще те, кто попытается у вас его забрать. Сейчас они не знают, где находится вторая половина каика, но

следить будут за каждым вашим шагом, так что, думаю, скоро вам придется с ними столкнуться.

– А никто и не ждал, что все будет гладко и хорошо. – Я отодвинул мага и прошел мимо него, борясь с желанием воткнуть ему в горло нож. – Наоборот, кроме неприятностей, ничего от этого путешествия не жду.

– И это правильно, они не заставят себя ждать. Хотя нам все равно, каким путем вы отправитесь в королевство Грига, но, думаю, вам будет интересно услышать, что завтра утром туда выходит караван с товарами. Ведет его Мах.

Я слышал о нем, это самый богатый купец в нашем городе, который брался за разные рискованные предприятия. Обычно ему везло, и с каждым разом он становился все богаче. Там, где других подстерегали разорение и смерть, этого всегда ждали только деньги. Причин для этого несколько, одна из них в том, что Мах невероятно удачлив, вторая, что он набрал в свою охрану самых лучших воинов, и третья – сам Мах был далеко не дурак...

– Вряд ли он возьмет нас собой...

Купец не любил незнакомых людей, обычно долго присматривался к человеку, расспрашивал о нем его друзей и соседей и, только решив, что избранник ему подойдет, обращался к нему с каким-либо предложением. Половина жителей города была готова отправиться с Махом хоть на край света, да удавалось такое только единицам.

– Об этом не беспокойтесь, вас примут в караван в качестве охранников, поскольку вы неплохо владеете оружием.

– А что скажет Мах?

– Ему сообщат, что вы – два молодых оболтуса, которых отцы желают пристроить хоть к какому-нибудь полезному делу, и лучше, если он ничего больше не узнает ни о вас, ни о вашей цели. Не нужно это никому, да и вам будет спокойнее. Караван направляется в южные земли, в один из приморских городов, вам дальше – до королевства Грига.

– Понятно. – Я вздохнул, до сих пор все, что с нами происходило, казалось сбывшимся кошмарным сном – не бывает так: вот жил себе, жил, и вдруг в мгновение ока вся твоя прежняя жизнь перестает существовать, а впереди ждут только неприятности, а самое обидное, что нет способа этого избежать. – Не думаю, что вам удастся договориться с Махом до конца дня, он не любит спешки.

– Киль – бог-странник, следовательно, все, кто отправляется из города, приходят просить у него благословения. Нам легко разговаривать с купцами и воинами, они нас слушают, потому что от этого часто зависит, вернутся ли они обратно.

– А разве это зависит не от охраны и правильно проложенного маршрута?

– С каждым уходящим разговаривает наш провидец, иногда он предлагает выйти из города раньше или позже, а то и совсем отложить путешествие, бывает, предлагает и свой маршрут...

– Может, что-нибудь расскажет и нам? – вступил в разговор Молот. Он любил ходить к гадалкам, слушал их всех, хоть часто они ему рассказывали разное, опровергая друг друга, но, если что-нибудь из сказанного сбывалось, мой друг бывал счастлив. Правда, такое происходит нечасто. – Раз уж посылаете нас как гонцов, то могли бы оказать нам и эту услугу, всегда лучше знать, что ждет впереди.

– Не вас как гонцов, – поправил его жрец, поднимая на него усталые внимательные и очень серьезные глаза. – Едет гонцом Юрий, а ты его только сопровождаешь как охранник и слуга. Твои услуги нам не нужны, если ты прикоснешься к каику, то сразу погибнешь.

– Хорошо, пусть так, – недовольно поморщился Молот. – Но вы же мне платите?

– Платит тебе твой друг, мы вычтем то, что ты получил, из предназначенной ему суммы.

– Так нас сведут с провидцем или нет? – Мой друг начал сердиться. Его огромные кулаки сжимались и разжимались, похоже, ему все это так же надоело, как и мне. – Если нет, то хотя бы накормите...

– Только после того, как умоетесь и смените одежду. – Старый жрец направился к двери, ведущей в лабиринт, а я, открыв от удивления рот, наблюдал за ним. Старик повернул ручку и исчез в лабиринте, дверь за ним захлопнулась.

С нами остался только маг, он крутил свой жезл, задумчиво глядя перед собой.

– Ты проводишь нас? – Молот тронул его за плечо, жрец недоуменно уставился на него, словно впервые увидел.

– Что? А? Куда проводить? – Он очнулся. – У нас для этого есть слуги. Поторопитесь, у вас немного времени. Сейчас ночь, а рано утром караван уйдет из города. Вы даже не успеете попрощаться со своими родными, это мы сделаем за вас. Идите...

– Как вы попрощаетесь за нас?

– А как получится, может, и никак.

Маг подтолкнул нас ко второй двери, впрочем, это удалось только со мной, Молот даже не покачнулся, а когда жрец наставил на него жезл, мой друг поднес к его длинному носу огромный окровавленный кулак.

– Тронешь его или меня еще раз – убью! – Столько было злости в его голосе, что жрец даже отступил назад. – Надоели вы мне, разнесу здесь все, если снова попытаетесь сделать кому-нибудь из нас больно!

– Ладно, – пожал плечами маг. – Вам в ту дверь, но с этой минуты будь острожен, парень, я не забываю своих врагов.

– Я тоже их не забываю. – Молот сплюнул под ноги жрецу, тот даже отпрыгнул от неожиданности, и пошел к двери. – Иногда ношу им цветы на могилку, особенно тем, кто когда-то так же грозил.

Я шел за ним, недоумевая, что это на него нашло. Конечно, мне тоже все надоело, да и устал так, что едва двигался, но ссориться со жрецами не стоило: слишком много реальной власти находилось в их руках. Однако у каждого есть свой барьер терпения, за которым происходит срыв. У меня, похоже, он чуть выше, чем у Молота.

Мы прошли по длинному, хорошо освещенному масляными лампами коридору и оказались в небольшой зале, где нас ждал низкорослый морщинистый жрец с седой копной волос. Он молча показал рукой на открытую дверь.

Когда мы вошли в нее, сразу поняли, что перед нами самая настоящая купальня. Нас ожидали два огромных медных чана, наполненных горячей водой. Они стояли на подиуме, сделанном из гладко отполированного камня, а рядом с ним по каменному желобу текла холодная вода.

Я сбросил одежду, отстегнул ножны и положил их рядом с чаном. Молот хмуро разделся, оставив при себе дубинку. Все мелкие ранки, которых мы получили немало, бегая по темным ходам, сразу отозвались на горячую воду резкой мучительной болью, но я только заскрипел зубами от злости и погрузился с головой.

На мгновение мне показалось, что мою кожу сняли наждаком, но скоро почувствовал, что боль уходит, а тело начинает расслабляться.

Когда я понял, что прихожу в себя, взялся за мочалку из высушенной морской губки и серое мыло, сваренное с полынью. Хорошенько вымывшись, я выбрался из чана.

– Сюда! – Жрец жестом показал на желоб.

Я недовольно на него покосился, но решил выполнять все, что мне прикажут. Пока это было неважно. Вода оказалась настолько ледяной, что на какой-то момент перехватило дыхание. Я был готов разорвать этого маленького пожилого человека с серой сморщенной

кожей, которая бывает у тех, кто месяцами не видит солнца, но потом, когда сердце успокоилось, почувствовал, как изнутри поднимается тепло.

Из воды я вышел бодрым, сильным и готовым к дальнейшим неприятностям. Холодная ванна привела меня в чувство и даже подняла настроение. Молот вздрогнул, когда услышал мой вскрик, и радостно ухмыльнулся, увидев, что со мной ничего не произошло. Только тогда он, повинаясь жесту жреца, полез в желоб. Заорал он еще громче моего, даже побагровел от злости, вылез быстро, мрачно поглядывая на морщинистого человечка, видимо, придумывал мщение.

Бросив нам серые домотканые куски ткани, чтобы мы вытерлись, жрец показал на две каменные скамьи – на каждой стояло по глиняной чашке, наполненной чем-то неприятно пахнущим.

Сначала я решил, что это какая-то еда, в животе неприятно бурчало после купания, но, вдохнув запах, понял, что такое есть не смогу, даже если стану умирать с голода.

Когда я сел на скамью, жрец, показав на чашку, произнес:

– Мазь лечебная и быстро затягивает любые раны. Смажьте вашу кожу – каменные стены в лабиринте пропитаны слюной червя, а она смертельна. Не сделаете это – умрете.

Я стал натирать кожу темной, дурно пахнущей мазью, думая о том, что после такой процедуры снова придется мыться. Начало неприятно жечь, и не только там, где имелись ранки. Боль усиливалась, скоро я уже лежал на скамье, извиваясь от боли, и думал о том, как медленно и мучительно стану убивать этого жреца, если выживу.

Молот извивался рядом, воя и скрипя зубами.

Прошло, наверно, минут десять, прежде чем боль ушла.

А чуть позже исчез и запах. И внутри появилось приятное ощущение – такое, словно родился заново. Все тело вновь стало сильным и здоровым, и мне снова захотелось жить. Поэтому я решил пока не убивать этого сморщенного человечка, но только в том случае, если он меня накормит. В этот момент я готов был съесть даже мазь, от которой только что брезгливо отворачивался.

Но жрец, похоже, понимал все, что с нами происходит, потому что показал рукой на еще одну дверь. Когда мы потянулись к одежде, он отрицательно покачал головой, и нам стало ясно – еще не все закончено.

Правда, возражения против того, чтобы мы забрали свое оружие, у жреца не было. Впрочем, если бы оно и появилось, вряд ли мы с Молотом стали его слушать. Я взял ножны с ножами и закрепил на запястьях, а мой друг повесил на руку дубинку, у него для этого имелась специальная петля.

В соседней комнате нас ждал стол, на котором благоухал соблазнительным мясным запахом медный котел, там же на широких скамьях лежала одежда – она была походной, неброской, сделана из крепкой ткани, окрашенной в коричневый цвет. Она оказалась нам почти впору, мне подошло все, а вот на Молота штаны не налезли, и жрец через пару минут принес другие – побольше.

Сапоги мне понравились, они были сделаны из хорошо выделанной кожи лесного оленя с двойной прошивкой. Такие не промокают, даже если в них несколько дней ходить по воде, да и носятся хорошо. Еще приглянулось то, что в правом сапоге оказались вшиты ножны, в которых лежал тонкий нож. Для метания он не годился, но для хорошей драки вполне подходил – металл крепкий, отливал синевой, именно из такого делали лучшие мечи, а рукоятка вырезана из крученого дуба, такая не расколется, да и в потной руке лежит неплохо.

Еще каждому из нас предлагалась кожаная куртка из толстой воловьей кожи, в ней можно спать на земле, а в бою хорошо защитит от стрелы на излете.

В общем, походный наряд мне понравился. Если бы сам собирался в дальний путь, выбрал бы то же самое.

Под куртку я нацепил пояс с золотом, а Молот разложил свои монеты по небольшим мешочкам, которые ему предложил жрец, и рассовал по разным карманам, благо в новой одежде их оказалось предостаточно.

Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись: оба вполне могли сойти за охранников Маха, нам не хватало только мечей, кинжалов и луков. Словно подслушав наши мысли, жрец произнес:

– Оружие получите при выходе из храма, так распорядился верховный жрец.

– Нам бы его посмотреть надо, вдруг окажется не то, что нужно.

– Одежда понравилась? – Я кивнул. – Значит, и оружие подойдет, его тоже выбирали люди опытные и умелые. Если же я дам вам его сейчас, то обязательно нарветесь на новые неприятности. Характеры у вас обоих далеко не мирные, того и гляди снова за ножи и дубинку схватитесь.

Мы с другом переглянулись, пожали плечами и, не сговариваясь, направились к столу. Оружие может подождать, а вот живот такого обращения с собой не стерпит, и так уже рулады выводит такие, словно в него ничего не попадало как минимум пару дней.

Еда оказалась вполне приличной – мясо с травками, вероятно, кабарга, эту дичь таскают в город охотники и продают за хорошие деньги, и это еще раз подтвердило мои предположения о том, что жрецы в храме Киля неплохо устроились в этой жизни.

Мы съели все, самому мне бы не справиться, даже несмотря на зверский голод, – так всего оказалось много, но Молот под настроение один мог умять тушу быка. Сейчас, похоже, оно у него было. Когда я положил ложку, с отвращением глядя на свой вздувшийся живот, он продолжал есть до тех пор, пока не заскреб по стенкам медного котла, и даже засунул туда голову, чтобы ничего не упустить.

Вышли из-за стола медленно, двигались тяжело и осторожно. Сразу же подступила усталость, глаза слипались – слишком много нам досталось в этот безумный день. Мне казалось, что усну на ходу, поэтому, подойдя к лавке, сразу сел, потом лег и тут же провалился в тяжелый сон, Молот устроился рядом и сразу засопел.

Снился мне червь, который полз за мной по бесконечному лабиринту. Убежать не удавалось – мешал огромный живот, отвисающий до самого пола, его постоянно заносило на поворотах. В конец концов, когда показалось, что спасся, забежав в какой-то узкий проход, почувствовал смрадное дыхание за спиной, жвала сжали мне плечо, и я понял, что за мной пришла смерть. С огромным трудом сдержался, чтобы не закричать, а когда открыл глаза, мутные и ничего не понимающие, то вместо морды червя разглядел морщинистое лицо жреца.

– Ночь кончается, – проговорил он. – Поспешите, иначе караван уйдет без вас.

Я еще не совсем понимал, на каком нахожусь свете, спустил ноги с лавки и тяжело встал, предварительно вогнав кулак в спину Молота – единственный способ его разбудить, ничто другое на него не действует.

Друг открыл один глаз, осмотрел им меня и снова закрыл.

– Нам пора, Молот. – Я зевнул. – Если не встанешь через пару минут, уйду один, а тебя сожрет червь.

Почему-то я не сомневался, что ему снился тот же сон, что и мне.

И точно, услышав мои слова, он вскочил и замахал дубинкой:

– Червь? Где этот паршивец?

Я ничего ему не ответил, давая возможность самостоятельно понять, что происходит, а жрец уже открывал дверь в лабиринт. Упускать его я не собирался, зная, как там легко заблудиться и кто нас ждет в глубине.

Молот догнал меня, когда мы уже заворачивали за угол.

– Не мог подождать? – прошипел он. – Я – не ты, у меня тело большое, оно быстро не просыпается.

– Жрец уходит, – показал я на удаляющуюся спину. – Потом поговорим, иначе снова придется плутать.

– Ну уж нет, я впереди пойду! – прорычал мой друг, обгоняя меня. – Достаточно с меня этих подземелий, я домой хочу.

Вдвоем мы быстро нагнали жреца и, пристроившись у него за спиной, скоро вышли в верхний зал. Дальше через боковую дверь храма мы вышли во двор, где уже переступали копытами две небольшие гнедые лошади. К седлам их было приторочено оружие, причем нам обоим досталось одинаковое – меч, небольшое копье и гнутый лук.

– Вам туда, – показал нам жрец в сторону города, который еще дремал в сумрачной мгле. – Караван собирается у южных ворот, если не желаете его догонять, то поспешите...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*В дороге веди себя спокойно, ибо то, что должно произойти, все равно произойдет без твоего желания.
Из книги бога-странника*

Я не большой любитель лошадей, да и ездить на них мне приходилось нечасто, Молоту, насколько я знаю, тоже, да только нас никто не спрашивал.

На лошадь мне помог взобраться друг, просто взяв меня за штаны и куртку и закинув в седло, этого я ему долго простить не мог, минуты две, пока не пришла его очередь. Ему пришлось воспользоваться одним из валунов, лежащих поблизости.

Я держал в это время за уздцы его лошадь, едва не умирая со смеха, а он лез. Бедная скотина содрогнулась, едва не упала, приняв на себя его тяжесть, но как-то сумела выпрямиться. Я был уверен, что она упадет, Молот тоже, лицо у него было растерянным и бледным. Но лошадь стояла и падать не собиралась, тогда он осторожно взял поводья.

Мы медленно поехали в сторону города, еще не совсем понимая, куда направляемся и надо ли нам туда...

Моя лошадь пошла рысью, едва мы выбрались на ровную уличную брусчатку, от этого я окончательно проснулся, вцепился ей в гриву и все время, которое мы добирались до южных ворот, пытался удержаться, неловко подпрыгивая в стремях.

Молота я не видел, он ехал сзади, зато хорошо слышал все, что он рассказывал обо мне, о бедной лошади, которая досталась ему, о жрецах храма и о самом боге-страннике Киле – того он костерил больше всего.

Оказывается, именно этот бог был виновен во всем, что происходило в его жизни начиная с рождения. В отдельных местах я был с ним согласен, особенно когда он начинал бранить всех подряд, собирая в одно отвратительное целое богов и людей.

Мне было бы очень весело, если бы я так не боялся упасть, впрочем, Молот тоже сидел в седле неуклюже, еще более неуклюже, чем я.

Хорошо, что улицы были по-утреннему пустынные и нас никто не видел, иначе этого бы мы жрецам не простили никогда – знали нас многие, так что насмешек потом было бы не избежать.

Хорошо, что серый ночной сумрак только начал уступать место утренней заре, да и двигались мы быстро, потому что улица шла под уклон, поэтому к воротам добрались как раз в то время, когда караван уже собрался, первые возы тронулись, а передовой дозор охранников маячил в поле за воротами, осматривая окрестности.

Мах – огромный мужчина в дорогом, шитом золотом платье, с кривой саблей кочевников на боку и на высоком рыжем коне – недоуменно посмотрел на нас, потом выслушал то, что ему прошептал начальник охраны, неохотно кивнул. Тут же к нам подъехал молодой парень и приказал следовать за ним.

Он показал фургон в конце каравана и сказал, что на время пути тот принадлежит нам, там мы можем держать свои вещи и спать.

На обратном пути такого удобства не будет, потому что фургоны набьют доверху товаром. Сейчас наше место в арьергарде, как самое спокойное, но все равно в случае нападения мы ответим своими жизнями за хозяйское добро, так что расслабляться не стоит.

Мы переглянулись с Молотом, еще не успев отойти от скачки, но караван уже двигался, возы один за другим проходили городские ворота... Пришлось обосновываться в фургоне, который нам указали.

Так началось наше путешествие. Вещей у нас не было, оружие приторочено к седлам, с возницей фургона Молот сразу нашел общий язык, оказалось, что тот не один раз пил вино в тех кабаках, где мой друг служил вышибалой.

После недолгих переговоров Мятник – так звали возницу, оказавшегося нашим сверстником, – взял на себя заботы о нашем пропитании и удобстве. Как-то все примялось, успокоилось. Мы забросили мешки в пустой фургон, оставив при себе только оружие, и поехали за возом навстречу поднимающемуся из-за темного леса ярко-желтому солнцу.

С тяжелым сердцем проводили мы тоскливыми взглядами сердитых стражников, которые закрыли за нами городские ворота, словно прочитанную страницу книги.

В общем, все затеялось не очень хорошо, а старый закон гласит: что плохо начинается, то заканчивается еще хуже. Ни я, ни Молот ничего хорошего от будущего не ждали, единственное, что нас немного утешало, так только тяжесть золота в наших карманах.

Почему-то большой радости не прибавилось, раньше думал: появится много денег и стану счастливым, но вот оно у меня на поясе, тянет к земле, а внутри только печаль и ожидание беды.

Когда каменные стены города постепенно растаяли и затерялись среди засеянных пшеницей полей, к нам подъехал Бохан – начальник охраны каравана, – посмотрел на нас, на наших лошадей, на наше оружие, смерил взглядом и после этого тяжело вздохнул:

– Вас мне навязали, но это совсем не значит, что вы будете блаженствовать и наслаждаться дорогой. Ваше место – самое спокойное в караване, но некоторым грабителям на этой дороге нравится отбивать последние фургоны – они пропускают караван мимо, убивают охрану и угоняют воз. Обычно на плохой дороге обоз растягивается на пару верст, поэтому у вас будет не много шансов дожидаться подкрепления. Лучше не теряйте бдительность. Ночью обязательное дежурство, так что советую одному из вас сейчас отправиться в фургон и поспать, иначе ночью станут слипаться глаза. Все понятно?

– Вполне, – усмехнулся Молот. – Если нападут, отбиваться самим, помощи ждать от вас не стоит.

– Примерно так, – кивнул Бохан и посмотрел на меня. – Я знаю твоего отца, из тебя готовили воина с младых лет, уверен, умеешь многое, но лучшая защита – это осторожность. Об оплате не беспокойтесь, Мах на охране не экономит, именно поэтому он и является самым успешным купцом в нашем городе.

Начальник охраны ускакал, а я взглянул на Молота, который довольно ехидно произнес:

– Вот какой ты могучий воин, тебя даже знает начальник охраны лучшего купца.

– И что тебе в этом не нравится?

– Не вижу в этом ничего хорошего, – пожал плечами мой друг. – Меня вот хорошо знает наш возница, и он приготовит нам ужин. Я вижу в этом пользу, а в том, что тебя знает Бохан, толку никакого. Единственная польза – если нас с тобой убьют, то похоронят в земле, а не бросят на дороге, как это часто бывает. Да и здесь все больше зависит от удачи.

– Увы, ты прав, как всегда, только к этому знакомству я не рвался. – И я развел руками. – Но говорить об этом больше не станем, у нас есть задачка поважнее: кто сейчас ляжет спать – ты или я?

– Вопрос неправильный, – пробурчал Молот. – Правильнее спросить, кто будет бродить всю ночь возле обоза, вглядываясь в темноту и злясь на то, что другой сладко спит.

– И кто же будет этот везунчик?

– Ночь поделим пополам, а значит, и дневной сон тоже. Так что я пошел в фургон, заодно и поговорю с Мятником, узнаю, какие у них тут правила и чего стоит опасаться.

Молот привязал лошадь к фургону, а сам залез внутрь. Скоро я услышал его голос, он, как и обещал, выспрашивал возницу.

Я вздохнул и оглянулся – города уже не было видно, как и ближнего леса. Вокруг тянулись зеленые поля пшеницы, и это меня не вдохновляло. Хотелось спать, но еще больше понять, в какое же дерьмо мы с Молотом влипли.

Но думать не хотелось совершенно, сказывался тяжелый день, наполовину бессонная ночь, да и мешало многое другое, что все еще продолжало с нами происходить. Размышлять об этом сейчас вряд ли стоило, а вот как выжить, находясь в караване Маха, найти себе питание, нормальный ночлег, а главное – уцелеть при разбойничьем налете – вот что было по-настоящему важно...

Я в очередной раз подивился мудрости моего друга. Мы еще и часа не находились в пути, а он уже нашел общий язык с возницей, что-то ест – слышалось его довольное чавканье – и был совершенно удовлетворен жизнью.

Молот принимал жизнь просто, о будущем и прошлом никогда не задумывался, и в этом была его сила. А я же думал всегда, и не могу сказать, чтобы мои мысли чем-то мне помогали в жизни. Что толку думать о том, что будет, если это еще не произошло? Все равно все будет не так, как мнилось, а значит, и твои сиюминутные мысли окажутся пустыми и глупыми.

В чем смысл пережевывания того, что уже случилось? Ничего уже не исправишь и не вернешь. Да и кто сказал, что мы управляем своей жизнью? Она течет себе сама по своим законам, а мы только охаем и ахаем, когда попадаем в трудное положение.

Разве мог я еще пару дней назад предугадать, что отправлюсь гонцом в неизвестную мне страну, абсолютно не готовым к этому путешествию и совершенно не желающим никуда ехать?

Но вот я сижу на лошади, хотя еще в детстве зарекся садиться на эти ужасные творения одного из богов. О том, как он их создавал, известно только то, что в это время мучился с похмелья, поэтому получилось нечто ужасное, главной целью которого является причинить тебе как можно больше хлопот...

Не стоит на лошадь садиться, да только без нее в дальней дороге никак. А к вечеру буду ходить по земле враскорячку, постанывая от боли.

Куда я еду? Зачем мне это?

У меня не было пока ответов на эти вопросы.

Ладно... разберемся и пойдем, сейчас главное – никуда не вмешиваться, не влезать в еще худшие неприятности и позволить событиям течь самим. Все равно изменить ничего не получится...

Я посмотрел по сторонам – все те же поля, солнце уже поднялось над караваном, тянувшимся далеко впереди, крики, всхрап лошадей, мухи и оводы – вечные спутники всех кляч. Да еще ветер по-утреннему прохладный и ласковый.

Может, все не так плохо, а?

Мечтал же о путешествиях еще мальчишкой, чтобы ветер в лицо, солнце над головой, птицы в небе и далекий страшный лес впереди...

Мешает только запах лошадиного пота, терпеть его не могу...

Когда Молот громко что-то проорал над ухом, я проснулся, удивляясь сам себе: во-первых, не заметил, как заснул, во-вторых, проспал почти полдня – солнце уже склонялось над лесом, а в-третьих, никогда до этого не спал в седле, слышал от наемников, что это иногда получается, но не верил.

И самое главное, как не упал?!

Пели какие-то лесные птицы, звонко, громко, надрываясь – даже странно, что спал и ничего не слышал, видно, здорово меня утомил этот лабиринт в храме, все силы вытянул.

Прохладный ветерок проникал в каждую дырку в одежде, толстая куртка защищала от него со спины, но спереди была распахнута, а на рубашке половина деревянных пуговиц

оказалась незастегнутой. Я затянул ремешки на куртке и еще более недовольным взглядом посмотрел на мир.

Трава вдоль дороги давно потеряла свой цвет, поблекла и пожухла. Лес тянулся сбоку, прозрачный, непонятный, можно было даже рассмотреть покосившиеся деревья да наполовину голые кусты.

Плохой лес, неживой какой-то.

С другой стороны поля, заросшие травой, там то и дело мелькали птицы, оттуда и слышался их ор.

Молот снова прокричал:

– Ты чего не отвечаешь?

– Задумался. – Я подъехал ближе к фургону, все-таки у лошади при всех тех недостатках, за которые я их не люблю, имеются и положительные стороны – не отстала же от каравана, не потерялась, не зашла в поле пожевать сочную изумрудную траву, пользуясь тем, что всадник временно исчез из этого мира. – А тебе чего?

– Да вроде моя очередь бодрствовать, а твоя отдыхать, но если передумал, то я готов еще поваляться, все равно пару часов лишних едешь...

– Мне давно все надоело, но думаю, тебе требуется больший отдых, чем мне, сам говорил, что у тебя тело большое, ему больше надо.

– Так я тебе и поверил, – ухмыльнулся друг. – Наверно, сам задремал и все проспал. Вообще-то меняться смысла нет, Мятник говорит – скоро привал, от силы полчаса езды до речки, на берегу которой остановимся на ночь. Видишь, солнце клонится к закату...

– Полчаса потерплю. – Я снова бросил поводья, давая возможность лошади самой определять, с какой скоростью двигаться. – Все равно на привале будет много суеты, заснуть не дадут.

– А я тебе за это мягкую постельку приготовлю в фургоне, половину ночи будешь спать, как герцог.

– Почему только половину?

– Потому что вторую станешь сторожить, а я на мягкой постели спать – то, что ты сейчас все проспал и меня не разбудил, не считается. Я тут мешок нашел, надо только его сухой травой набить или соломой.

– И где возьмешь?

– На передних возах есть сено для лошадей.

Я хотел ответить что-то язвительное, но моя лошадь уже отстала метров на двадцать, а кричать не хотелось.

Дорога, сделав длинный поворот, вышла на огромный луг.

Показалась речка, зеркально заблестевшая тонкой темной полоской среди зелени луга. Через речку неподалеку был переброшен небольшой деревянный мосток, сложенный из огромных бревен столетней сосны.

Не доезжая переправы, передние фургоны встали, следом за ними все остальные. Возницы, подгоняя уставших лошадей, начали размещать свои возы по кругу, а руководил этим сам Бохан – начальник охраны. Между возами поставили деревянные щиты, и получилась небольшая полевая крепость со своими смотровыми башнями – на крыши фургонов полезли стрелки с луками.

Лошадей выпрягли и повели к воде поить и смывать белесый пот, больше похожий на пену. Мятник забрал наших коней и удалился.

Я сидел на траве, бездумно глядя перед собой, мне хотелось искупаться, но не было сил даже пошевелиться, Молот вытащил мешок и теперь бродил по лагерю, разговаривая с возницами в поисках сена.

Из-за возов показался Бохан:

– Луки, стрелы есть? – Я с оханьем распрямылся, после сегодняшней езды прямо ходить не мог, и молча показал то, что нам дали жрецы. Начальник охраны кивнул. – Щита, конечно, нет?

– Щита нет.

– Ладно, прикажу, чтобы принесли. Ночной дозор за вами. Один из вас должен находиться постоянно наверху, места здесь спокойные, последних разбойников лет двадцать назад повесили на деревьях вдоль тракта, но береженого Бог бережет.

Я кивнул и снова с оханьем скривился.

– Если желаете искупаться, то лучше сделать это сейчас, потому что, после того как стемнеет, никто из каравана не выйдет и не войдет: лучники станут стрелять в любую тень, так они обучены. Кстати, и вам советую так поступать – если ошибетесь, не страшно, ближайшая деревня в десяти верстах, местные жители сюда не ходят, а если что привидится и начнете стрелять в темноту, то стрелы утром легко собрать. Лучше перестраховаться, чем бандитов пропустить. Все ясно?

– Я все понял и напарнику скажу.

– Вот и молодец. – Бохан отъехал. В центре круга, образованного фургонами, устанавливали большой полотняный шатер, Мах любил отдыхать в комфорте. – А искупаться надо, парень, холодная вода хорошо усталость снимает.

– Иди, иди поныряй, – проговорил Молот, подходя к фургону с набитым сеном мешком. – Выглядишь ужасно, зеленый стал, словно съел что-то. И лук свой оставь, тетиву тебе натяну, вот такой я добрый – не благодари, самому противно...

Я бросил ему оружие, оставив себе только ножи на руках, перелез через дышло, отодвинув щит, и, распугивая кузнечиков, побрел к речке по изумрудной сочной траве. На берегу вовсю горланили возчики, вытирая своих лошадей мочалками из нарванной здесь же, на берегу, осоки.

На небольшой высотке сидели, положив себе на колени луки, два охранника и внимательно оглядывали окрестности. Бохан любил во всем порядок, никого не оставлял без призора.

Что ж, тоже хорошо, больше шансов на то, что до королевства Грига караван доберется без приключений.

Я не пошел ко всем, не люблю суету, а поднялся вверх по течению, провожаемый внимательными взглядами охраны, там и залез в воду, раздевшись у большого куста.

Вода была прохладной и приятной, я нырял и плавал с огромным удовольствием, забыв о том, что только что едва ноги передвигал от усталости. Разогревшись, даже пару раз переплыл эту не очень широкую речку с медленным тягучим течением.

Настроение у меня постепенно поднималось.

И действительно, чего киснуть? Я молод, не дурак, а то, что отправился неизвестно куда, так разве не об этом сам мечтал? Хотелось же повидать мир, да еще как!

А тут отправился не один, с Молотом, с надежной охраной – что еще нужно для счастья?

Багрово-красное солнце висело над горизонтом, собираясь спрятаться за небольшой лесок на той стороне. Ветерок обдувал меня, но постепенно холодел. Стихли крики возниц – они закончили купанье и повели лошадей к лагерю. Пора и мне возвращаться, иначе могут возникнуть проблемы. Не думаю, что Бохан шутил, когда рассказывал, что стрелки стреляют по каждой тени, – наверняка так оно и есть.

Когда я подошел к лагерю, похожему на маленькую крепость посередине луга, меня окликнули:

– Стой, кто такой? Еще шаг – и получишь стрелу в печеньку.

Остановился, задумавшись над тем, что же отвечать на такой дурацкий вопрос? Кто я действительно такой?

– Что молчишь? Язык к заднице прилип?

Юмор был, надо сказать, довольно тонкий, такой я воспринимаю с огромным трудом. Голова спрашивающего высывалась над щитом ближайшего ко мне фургона, до него было метров пятнадцать. Для такого расстояния мои ножи не очень эффективное оружие, требовалось подобраться поближе, тогда его точно сниму.

– Слушай, ты! – Я едва перевел дух после того, как чуть не захлебнулся от ярости. – Я такой же, как и ты, охранник в этом обозе, отошел к речке, чтобы искупаться, видишь, волосы мокрые?

– Наши все здесь, – откликнулся стрелок. – Так что топай отсюда, пока с первой стрелы не завалил, не проходит у нас такое вранье, мы – ребята ученые, знаем: одного пусти, так сразу и другие бандиты объявятся, бей их потом по одному...

– Спрашивать, значит, Бохана не будешь? – Я прикинул расстояние и решил идти по дуге, направляясь к своему фургону, только вот беда, не запомнил, где тот стоит, а в караване они все одинаковые, выстроены по одному заказу. Различия, конечно, были, где-то доску выдрали и заменили новой, и теперь она выделялась свежим пятном, у какого-то колеса сменили, а чем наш воз отличается от других, не заметил. – Ладно, я твой голос запомнил, позже встретимся, разберемся...

Уже собрался уходить, как один из щитов, закрывающих прогал между фургонами, откинулся, оттуда появилась голова Бохана, который негромко приказал:

– Этот не врет, он действительно наш новый охранник, пропусти его.

Стрелок опустил лук, и я полез через любезно отодвинутый начальником охраны щит, а он недовольно покачал головой:

– Я же тебя предупреждал, после захода солнца никуда не ходи.

– Так оно еще и не зашло. – Я повернулся, чтобы увидеть, как исчезает край диска за далеким темным лесом. – Поэтому ничего не нарушил.

– Нарушил, – вздохнул Бохан. – Забыл сказать, что за пределами лагеря мы ходим только группами по два и более человека. Но тут, похоже, я виноват. Да и не подумал о том, что мои ребята вас не знают, надо будет завтра на дневном привале всем показать, иначе застрелят. Мог бы сейчас вас представить, да половина охранников уже на постах, а другая спит, к ночи готовится. Так что иди к своему фургону. Надеюсь, понял, как надо охранять? Тебе сейчас все очень наглядно показали...

– Наглядно и понятно.

Повсюду горели костры, на которых что-то готовилось, пахло дымом, жареным мясом и тушеной фасолью.

– Запомнил, ближе двадцати шагов никого не подпускать.

– В темноте никого не разглядишь с такого расстояния, стреляй раньше на всякий случай. – Начальник охраны потерял ко мне всякий интерес и направился к своему шатру. – А принцип уловил правильно, чуть что – кричи, кто-нибудь да придет разбираться с твоим ором. Может, даже я сам...

Я шел по лагерю, ловя на себе любопытные взгляды, отвечая тем же, конечно, всех не запомню, но хоть кого-то, а еще на всякий случай кланялся и представлялся:

– Юрой меня зовут, иногда Шрамом, теперь у вас в охране.

Иные на меня смотрели с дружелюбием и называли своим имена, другие, в основном охранники, презрительно фыркали и смотрели с пренебрежением, на что я только пожимал плечами.

У нашего фургона тоже горел костер, а над ним висел котелок, из которого вкусно пахло. Мятник колдовал над ним, что-то засыпая в кипящую воду. Заметив меня, он расплылся в улыбке.

– Значит, говоришь, Шрамом кличут, а зовут Юрой?

– Зовут меня по-разному, но отзываюсь только на эти два имени. – Я сел у костра, все мое радостное возбуждение куда-то улетучилось, и меня сразу потянуло в сон. Ощущение было таким, словно отработал на плацу полный световой день с разными партнерами. Сразу зашипало между ног – это напомнили о себе потертости, которые заработал, сидя на коне. – А тебя как зовут?

– Мятником и зови, привык уже. Есть хочешь?

– Поел бы... – Я вдруг понял, что очень голоден. – Только боюсь, что у меня даже ложки нет, собирались мы очень быстро и как-то бестолково.

– Все у вас есть. – Возница улыбнулся, и стало ясно, что он хороший, добрый парень, веселый и бесшабашный, и относится ко мне с уважением, а значит, мы с ним подружимся. – Еще час назад принесли ваши вещи от Бохана вместе со щитом.

– Что принесли?

– Вот.

Мятник пошарил возле себя и протянул мне мешок, обычный, заплечный, такие носят королевские гвардейцы в походах, только на тех еще вышит королевский вензель, а на этом ничего нет, но так даже лучше – неприметнее. Я покосился на возницу на всякий случай, а вдруг он шутит – стоит мне только открыть мешок, как появится его хозяин с ватагой друзей, и они мне хорошенько намылят шею. Но парень кивнул и доброжелательно улыбнулся, явно никакой подставы нет.

– Это твой мешок, а Молоту его я уже отдал.

– А между ними была какая-то разница?

– Была, – усмехнулся возчик. – Тот больше и тяжелее.

– Понятно, что ж, посмотрим, что у меня есть.

Я развязал узел и глянул внутрь. Ничего лишнего, если бы я сам готовился в дальний поход, то только это и положил бы. Запасные рубашка и штаны, прикинул – мой размер. Фляга. Поболтал над ухом, открыл, пахнуло вином. Неплохо. Сразу отпил глоток. Терпкое, крепкое, такое разбавлять нужно. Повесил на пояс. Одеяло. Бронзовая кружка. Походный нож в ножнах. Его я тут же подарил Мятнику, он обрадовался подарку, как ребенок. Мне такой не нужен, у меня два в ножнах на руках, проверенные, не сломаются, а один в сапоге. Медная ложка. Никогда такой раньше не пользовался. Но у этой, как я понял, двойная функция, ею не только можно есть, но и в трудный момент продать – как раз то, что надо в долгой дороге!

Возница поставил передо мной на траву котелок с вкусно пахнущим варевом и сунул ломоть мягкого хлеба.

– Ешь столько, сколько влезет, – улыбнулся возчик. – Мы с Молотом уже перекусили, так что можешь не стесняться.

Уговаривать меня не пришлось, я погрузил новую ложку в густой супчик: то ли еда была очень вкусной, то ли проголодался сильно, но котелок опустошил в момент, а когда запил все разбавленным вином, то почувствовал себя на вершине блаженства.

– Понравилась еда? – лениво поинтересовался Молот с крыши фургона. – А содержимое мешка?

– Спасибо нашему неизвестному благодетелю. – Я дурашливо поклонился огню.

Голова друга появилась на крыше фургона, и он рассмеялся:

– Ага, уж очень кому-то хотелось, чтобы мы отправились в этот поход. Все не забыли, продумали, даже заплатили Маху за то, что он с собой взял.

– Заплатили?

– И немалую сумму.

– А за что?

– За то, что если мы окажемся не очень хорошими охранниками, то нас дальше повезут обычными пассажирами, но выбирать не нам, а Бохану.

– Не понял...

– Если выберем работу охраны, то в конце пути эта сумма разделится между нами плюс вознаграждение, которое купец всегда платит своей страже в том случае, если потери груза были небольшими. Так что у нас есть шанс заработать репутацию и хорошие деньги.

– А откуда узнал?

– У Маха есть пара личных охранников, ребята любопытные, а значит, всегда в курсе того, что происходит. Пришлось пожертвовать пару медных монет за рассказ.

– Ты переплатил. – Я вздохнул, но теперь благодаря другу все стало понятнее. – А ты не подумал о том, что мы можем и не вернуться домой. Работа охранника тоже не такая простая, как рассказывают, и довольно опасная.

– А по мне, так лучше ее ничего нет. – Молот зевнул. – Смотри, вон и первая звезда появилась. Надеюсь, ты помнишь, что вторая половина ночи твоя? А если помнишь, то чего не ложишься?

Я посмотрел на быстро темнеющее небо, действительно, там уже светилась первая звезда, та самая, путеводная, по которой запоминают направление, она самая верная, всегда на одном месте. И тоже зевнул. Но, посмотрев вокруг, понял: спать мне определенно хочется, но не в духоте фургона, а здесь, возле костра.

Я взял одеяло, которое мне подал Мятник, сотканное из шерсти с конским волосом – они самые прочные и выдерживают не один год ночевки под открытым небом. Подложил под голову седло, завернулся в одеяло и закрыл глаза.

Всхрапывали лошади, бродившие в темноте, подбирая сочную луговую траву, где-то далеко кричала выпь, потом ее перебило уханье филина, вылетевшего на охоту, – теперь мышам следовало хорошенько прятаться под землей или в высокой траве. Трещали угли в костре, слышались чьи-то далекие шаги и разговоры, а потом все потерялось в темноте сна.

Проснулся я, только когда меня растолкал Молот. Я встал и зевнул. Возле костра, рдеющего фиолетовыми углями, спал Мятник. В лагере горел только один костер, и тот возле шатра Маха – там сидели двое его личных охранников, они бодрствовали так же, как и охранники на крышах фургонов.

Мой друг сунул мне в руки лук и колчан со стрелами и тут же рухнул на мое одеяло. Я даже возмутиться не успел, как он уже захрапел. Пришлось накрыть его курткой, чтобы не замерз.

Потом я вздохнул и полез на крышу фургона, едва различая в темноте прибитые специально для такого подъема планки. Наверху поддувал холодный ветерок, принося с собой запахи травы и речной воды. Ничего разглядеть в густой темноте не удавалось, кроме отблеска звезд в водах реки.

Я укрылся от ветра за щитом, вперил взгляд в окружающий лагерь мрак и стал припоминать то, что мне рассказывали знакомые наемники.

В ночном карауле главное не зрение, а слух, опытное ухо легко различит в тишине шуршанье травы под недобрыми ногами или звяканье плохо закрепленного оружия. И даже сквозь сон...

Мне рассказывали опытные наемники, как по ночам они спали, находясь на дежурстве, и в то же время слышали все, что происходило вокруг, – это у них называлось спать вполуха. А те, у кого так не получалось, уже через неделю засыпали на ходу, постоянно спотыкаясь и падая от недосыпа.

Такие вояки никому не нужны, они и в бою быстро слабели и изнемогали, так что все кончалось смертью.

Вот чему сейчас мне предстояло учиться. Я сидел и таращился в ночь, ожидая прихода дремоты.

Сначала просто разглядывал звезды, узнавая знакомые созвездия. Вот созвездие Дракона. Это мой знак. Говорят, кто родился под Драконом, обречен на жуткие приключения, но если с достоинством сумеет их пройти, то станет обладателем настоящего сокровища.

Вон созвездие Кентавр – знак Молота. Люди, рожденные под ним, обладают невероятной силой и выносливостью, как настоящие лошади, они способны достичь любой цели, потому что у них есть все, что нужно для этого, в том числе невероятная смелость и мужество.

А чуть дальше, почти лежит на горизонте, созвездие Чародея. Мой отец родился под ним, под ним приходят в наш мир только маги и волшебники. Мой родитель хотя и не стал чародеем, но все равно его работа оказалась связана с магией.

Интересно, как он там?

Что ему жрецы рассказали обо мне? Впрочем, наверно, он уже все знает – не сомневаюсь в этом, у него достаточно друзей-провидцев, которые посмотрят в хрустальный шар и расскажут ему, что со мной произошло и происходит. Конечно, он будет обо мне переживать, потому что нас с ним двое на этом свете, и нет у нас никого ближе и роднее друг друга...

Мать моя умерла во время родов, ей не смог помочь даже самый искусный лекарь, которого отец привел из богатого района города. А сестра родилась сразу мертвой – мы с ней были двойняшками.

Потом папаше сказали, что ее смерть была предрешена еще до рождения, так было нужно богам. Мне всегда не хватало материнской ласки и тепла, поэтому я и вырос немного замкнутым, держащимся в стороне от веселящегося люда.

Так получилось. И это судьба. Теперь понимаю, что она есть такое...

Судьба начинается с того, что тебя ни с того ни с сего хватают и приводят в храм. Сначала чуть не скармливают огромному червю, а потом отправляют неизвестно куда и непонятно зачем, и если ты сгинешь в этом путешествии, то скажут, что именно это и было тебе на роду написано.

Я вздохнул, еще раз оглядел небо и сам не заметил, как перестал на него пялиться, а уткнулся в воротник куртки и задумался. Небо так и оставалось темным, ни малейшего следа серого – предвестника утра.

Ветер стал холоднее, теперь он нес с собой влагу, следовательно, утро все-таки скоро наступит, и будет оно сырым, с росой.

Выпь перестала кричать, наверно, уснула, насекомые тоже затихли, только где-то вдалеке в лесу слышался слабый треск...

Когда-нибудь моя жизнь изменится, и я стану уважаемым в городе человеком, как мой отец, правда, для этого надо подольше прожить и хоть что-нибудь совершить такое, о чем будут говорить люди. От человека же остается только память – если тебя помнят тысячи, ты почти бессмертен, если не помнит никто, то уже мертв, хотя все еще ходишь по земле...

А потом я заснул.

Станный это был сон, мне снились кладбище, разрытая могила и огромный человек, вылезавший из нее. Неупокоенный. Таких обычно хоронят отдельно. Это те, кто в жизни занимался черной магией, колдуны при этом теряют свою душу и становятся не нужны богам. Правда, обычно они живут долго, так как продаются демонам, а те меняют их тело, делая его бессмертным. Дух умирает, а тело остается и даже в могиле продолжает жить, когда тот, кто был в нем ранее, уже исчез.

А у неуспокоенного тела остаются все потребности, что имелись при жизни, и в первую очередь волчий голод, поэтому мертвецы выползают по ночам и рыщут по дорогам, надеясь поймать кого-нибудь и съесть.

Со зверем упырю не тягаться, те быстрее и сильнее, поэтому люди для них самая доступная пища – они неповоротливы, пугливы, женщины вообще падают в обморок, увидев страшилище, разваливающееся на ходу.

Не знаю, почему мне приснился этот сон. Может, из-за того, что на меня пахнуло запахом гниения и сырой землей? Да, вспомнил, сами упыри не поднимаются из могилы, для этого нужен особый магический обряд. Большинство из них спокойно догнивают до конца, как обычные люди, а поднимаются только те, кто нужен черным колдунам, то есть тем, кто потом сам станет неуспокоенным. Забавно, не правда ли?

Тут до меня дошло. Во-первых, почему я сплю? Я же на дежурстве!

И второе, отчего слышу запах тления и развороченной земли?

Глаза открываться не хотели, пришлось напрячь все силы, тем более, что и странное царпанье слышалось все ближе, да и шрам на щеке болезненно чесался – такое у меня всегда бывает, когда приближается опасность.

Запах гниения стал настолько невыносим, что я дернулся и сумел-таки открыть глаза. И тут же вздрогнул от страшного зрелища. Нечто темное, пахнущее тлением и землей, стояло, выпрямившись во весь рост, на крыше фургона и пыталось разглядеть меня пустыми провалами глазниц.

Спросонья не совсем понимая, что делаю, я судорожно схватил лук, вырвал из колчана стрелу и стрельнул. Она с легким чмоканьем прошла сквозь чудище и исчезла во мраке, а темная фигура повернулась ко мне.

В руках сами собой оказались ножи, я даже не заметил, как их выхватил.

Не стоило пытаться убить упыря простой стрелой, сразу со сна и не сообразил.

Я вскочил и бросился навстречу ожившему мертвецу. Удар у меня резкий, точный, нацеленный, отработанный на плацу упражнениями, обычно таким режут горло.

И сейчас я поступил так же и вдруг с ужасом понял, что крови в мертвеце нет, поэтому удар мой бессмысленный, он только разозлит монстра.

Но мне повезло. Видимо, упырь давно пролежал в могиле, и, когда я полоснул ему по шее, точнее, по тому, что от нее осталось, голова упыря тут же покатила вниз. Туловище его еще какое-то время стояло, покачиваясь и скрежеща когтями по высушенным доскам крыши фургона – думаю, этот звук я и слышал во сне, – а потом упало с грохотом и треском вниз.

Молоту не повезло – труп грохнулся прямо на него. Мой друг заорал что-то спросонья, вскочил, размахивая руками, потом подбросил пару веток в костер и, уже разглядев, что перед ним, заорал по-настоящему, что было в нем сил, а их у него немало, поэтому ор получился страшный:

– Подъем! Тревога!! Упыри!!!

Впрочем, я на него уже не смотрел, хотя и успел ухмыльнуться: на крышу вскарабкалась еще одна темная и дурно пахнущая мразь. Этой я даже не собирался дать возможность встать на ноги, махнул сразу обоими ножами – сначала одним, потом другим, и голова упыря отлетела в темноту. А вслед за ней отправилось мягкое тело, пахнущее тлением и сырой развороченной землей.

Порадоваться столь удачному удару я не успел – за край крыши уцепилась еще одна костлявая рука. Я отрубил ее одним ударом, и снизу послышался шум падения.

Хорошо, что мрак уже рассеивался, с каждым мгновением небо прояснялось, приближалось утро. В лагере началась суматоха, взревел тревожный рожок, послышался громкий командный голос Бохана:

– Это упыри, рубите им голову, ничем другим их не остановить. Помогает еще осиновый кол, но мы их вовремя не заготовили, так что обходитесь тем, что есть. Рубите мечами и топорами. Лучники, не тратьте стрел, мечами рубите.

Начальник охраны невероятным образом сумел перекричать громкий храп и топот испуганных лошадей, они метались по лагерю, сея панику и сбивая людей с ног.

На крышу нашего фургона вылез еще один мертвец. С ним не удалось справиться сразу, он успел схватить меня за руку и даже приблизить к ней свой воняющий смертью рот без губ – от страха я заорал так, как никогда до этого. Внутри у меня словно что-то оборвалось, так стало плохо, даже голова закружилась.

Сила у мертвеца оказалась огромная. От его пожатия мне показалось, что запястье дробится на мелкие кусочки. А я только без толку махал ножом, никак до его шеи не мог дотянуться. Уже прощался с жизнью, но тут подоспел Молот и своей окованной железом дубиной размозжил упырю голову.

Дальше уже плохо помню: мертвецы лезли со всех сторон, мы сражались, но справлялись с трудом, потому что одним мертвецам хватало одного удара, а другим было и десятка мало. Не раз мне казалось, что нас вот-вот сбросят вниз, туда, где мычала целая толпа упырей, и это была бы верная смерть – разорвали бы нас только так, и набили бы нашей плотью свои наполовину сгнившие желудки.

Все изменилось тогда, когда на луг высыпали охранники во главе с Боханом.

К тому времени уже достаточно рассвело, чтобы хорошо видеть оживших мертвецов. На лугу их было несколько десятков, да под нашим фургоном топталось столько же. Вот ими и занялись охранники. Они быстро порубали мечами нестройную толпу на лугу, а потом уже помогли нам добить тех, кто залез на крышу фургона.

Мы легко отделались: у меня рука, которую сдавил упырь, посинела и болела; у Молота оказалась расцарапана щека, еще он хромал на левую ногу – за нее схватился один из мертвецов, и хотя сам он уже лежал где-то внизу среди прочих, но его рука по прежнему мертвой хваткой вцеплялась в сапог. Я с трудом отрезал костлявые гниющие пальцы своим ножом, освобождая ногу друга, потом, охая и ахая от боли, мы спустились к костру. По дороге я вдруг подумал, что, наверно, Мятнику пришел конец, он же внизу был, а упыри лезли со всех сторон, им удалось отбросить щит, который прикрывал стык между фургонами.

Но наш возчик ждал внизу целый и невредимый. Надо признаться, я обрадовался, увидев его живым. К моему удивлению, пострадавших, кроме нас с Молотом, вообще никого не оказалось, потому что мертвецы лезли только к нашему фургону. Это стало видно сразу, когда окончательно рассвело – основная масса трупов валялась у нашего воза.

Это подтвердил и Бохан, который подошел к нам в полном воинском снаряжении, на нем была надета кольчуга из синеватого металла, сразу видно, дорогая и очень прочная, в руке он держал огромный двуручный меч из желтой стали, такой ценился очень дорого. Ну и довершали наряд боевые рукавицы, поножи и шлем – все из синего металла, из которого у меня сделаны ножи.

Начальник охраны осмотрел гниющую кучу возле фургона и недовольно покачал головой:

– Тут, похоже, собрался весь Черный отрог...

Все были встревожены, многие бледны и смотрели на мертвецов огромными испуганными глазами. Чтобы их успокоить, Бохан приказал сворачивать лагерь.

Люди разошлись по фургонам, и к нам подошел Мах с личными охранниками. К моему удивлению, он тоже оказался в полном воинском облачении, в руках держал очень хороший меч, пусть не такой дорогой, как у Бохана. И сразу задал начальнику охраны тот вопрос, ответ на который нам был очень интересен:

– Откуда появилась эта нечисть? Мы же столько раз здесь останавливались, и никогда такого не происходило. Всегда считал это место самым безопасным во всей округе...

– Тут недалеко имелось село, называлось Черный отрог, – пояснил начальник охраны. – Думаю, упыри пришли оттуда. Врать не буду, точно не знаю, но люди говорили, что с давних пор в той деревне занимались колдовством и черной магией, а лет тридцать назад в село пришли королевские гвардейцы и всех от мала до велика порубили. Сжигать тела не стали, а похоже, зря, только яму выкопали и всех туда побросали.

– Чего же они раньше из могилы не вылезали?

– Вот это и есть тот вопрос, который я себе задаю. – Бохан задумчиво посмотрел на нас. – Поднять их с земли мог только опытный колдун, а таких здесь давно не водится. Самое непонятное даже не это, а для чего потребовалось натравливать упырей на наш караван? Мы же без товара, грабить у нас нечего. Да и мертвецов направили не на караван, а на этот фургон, почти все упыри здесь...

Тут уже Мах внимательно посмотрел на нас:

– Интересно, кого же нам подбросили жрецы храма Киля? Парни вроде по виду неплохие, а получается, что-то с ними не так. Что посоветуешь?

– Убираться отсюда надо, и как можно быстрее. – Начальник охраны посмотрел на луг и темнеющий лес, я тоже взглянул в ту сторону, и мне показалось, что увидел цепочку бредущих по дороге неясных теней. – Гвардейцы поубивали всех в деревне, кто там жил, а здесь только взрослые мужики...

– И что ты этим хочешь сказать?

– А то, что ноги у взрослых длиннее, значит, ходят быстрее, думаю, скоро сюда придут бабы и дети, не хотелось бы время на них терять. Может, отправимся дальше?

– Никуда мы не отправимся. – Мах задумчиво пощипал свою небольшую бородку. – Это наша дорога, нам здесь еще не раз проезжать придется. Думаю, надо всех упырей из Черного отрога упокоить на этом лугу...

– Как? – Я внимательно наблюдал за лицом Бохана и видел, как ему не нравилось решение купца. – И что мы с ними сделаем?

– Просто довершим то, что не закончили гвардейцы. Соберем в одну кучу и сожжем – масло у нас есть, дрова из леса принесем. День потеряем, но зато этого луга в дальнейшем опасаться не придется...

– Решать вам. – Начальник охраны пожал плечами и выкрикнул: – Фургоны переправить на ту сторону реки. Чтобы лошади не пугались, оставить возле них возниц, все остальные на луг с оружием, крошить будем упырей.

Поднялась обычная предотъездная суматоха, возчики запрягли лошадей, большой шатер Маха сложили, костры потушили, фургоны ушли за реку, на этой стороне остались только охранники, в том числе и мы с Молотом. Мой друг вытащил из нашего фургона мечи, которые для нас приготовили жрецы, и мы встали вместе со всеми в жиденькую цепочку охранников, перекрывающую луг.

Бохан, увидев, как я гримасничаю от боли, поднимая меч, подозвал лекаря. Тот втер мне какую-то мазь, и мне стало легче, особенно после того, как знахарь поднес кружку крепкого вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.